

Виктор Коновалов

Дедюхинский «майор»

Сборник воспоминаний

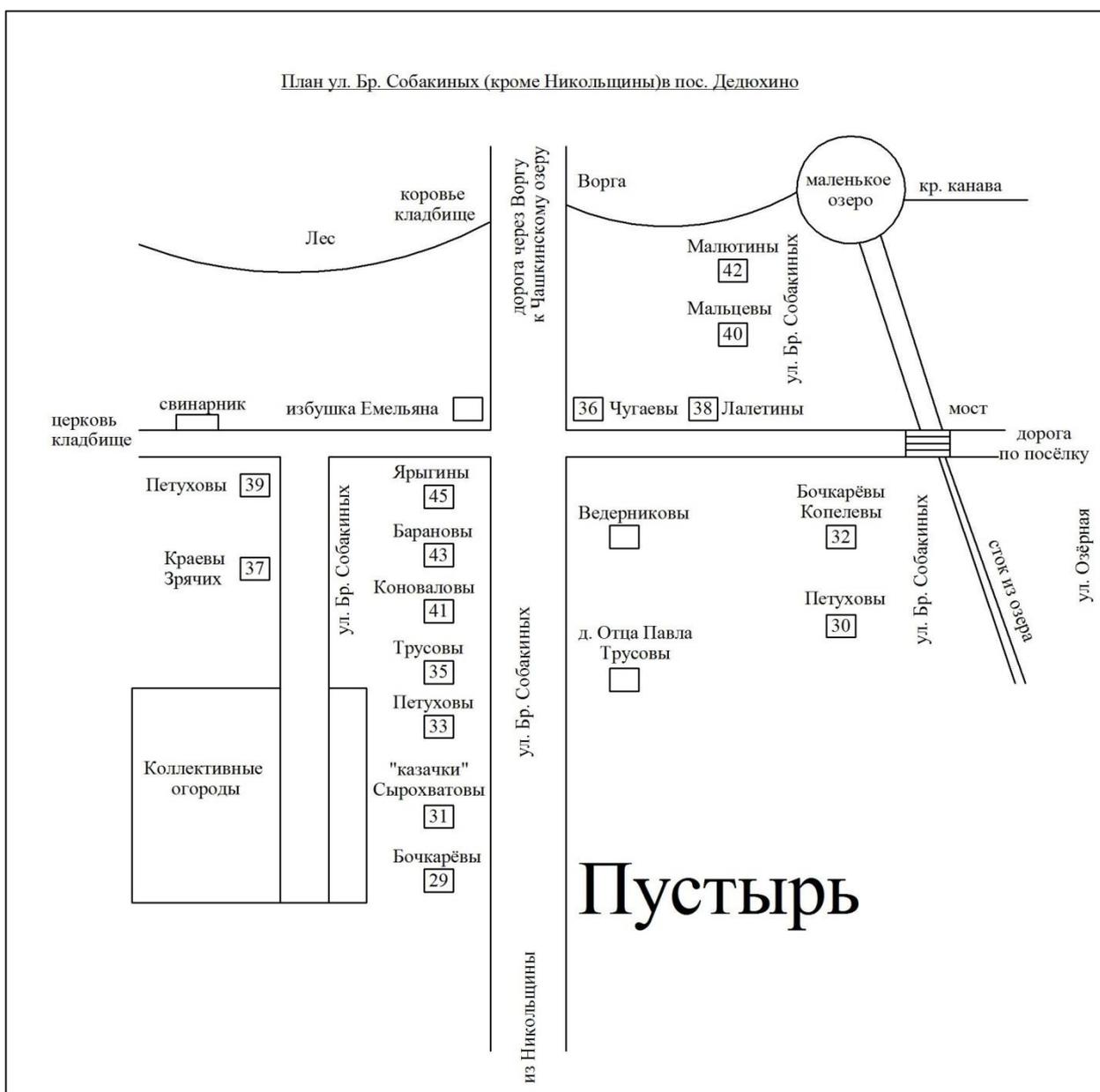

Вступление

Уважаемые читатели! Перед Вами сборник воспоминаний Виктора Васильевича Коновалова. По его биографии можно изучать историю нашего города и страны. Ровесник Березников родился в Дедюхино, учился в РУ № 5, работал на Химическом заводе. Посёлок, училище, предприятие исчезли с лица нашего города, остались только в памяти ветеранов. Пройденное, увиденное, пережитое Виктор Васильевич представил в своей книге. Она является продолжением серии книг о жителях посёлка Дедюхино. Вы узнаете из этого сборника, почему дедюхинцев называли «майорами», и автор так себя именуется. Для широкого круга читателей.

Редактор

Список жителей улицы Братьев Собакиных (кроме Никольщины)

Наша улица была разбросана, поэтому начнем от улицы Озёрной.

1. Петуховы (двухэтажный дом). Отец – Павел Иванович, мать – Евгения. Дети – Володя, Мира, Нина, Юра.
2. Бочкарёвы. Отец Степан, но он с семьёй не жил. Дети – Геннадий, Надя, Ира.
3. Затем в этом доме жили Копелевы. Мать Екатерина Ильинична, отца не было. Дети – Володя, Толя.

Берег Малого озера:

4. Малютины – муж Иван, жена – Зоя, дети Аля, Нина.
5. Мальцевы Михаил и Анна, их дети Саша, Валентина, Юра, Боря.
6. Лалетины Александр и Татьяна Ивановна. Дети: Зоя, Тамара, Римма, Валентина, Борис.
7. Чугаевы – отца не было, мать не помню. Дети: Римма, вторую дочь не помню.
8. Мизёвы Емельян и жена Анна. У них был сын Коля.

У коллективного огорода:

9. Петуховы – отца не было, мать – Мария («цисары»). Дети: Коля и его сестра Рита.
10. Сначала жил Краев (вдовец) и его дочь Зина. Они дом продали.
11. Затем в этом доме жили Зрячих Алексей и Миля (Людмила Петровна). Дети: Рита, Лёва, Аля, а также сын Витя от Василия Иконникова, ему дом и отдали.

Основная улица:

12. Ярыгины (двухэтажный дом). Хозяин Гавриил, жену не знал. Дети: Валентина, Нина, Саша, Ольга.
13. Ведерниковы Анна Ильинична, муж Степан погиб на фронте. Дочери Маша, Зина, Оля.
14. Барановы – баба Наташа. Дети: Зоя, Тамара.
15. Коноваловы (дом № 41) Василий Александрович и Федосья Андреевна. Дети: Валентин, Виктор, Гета.
16. Трусовы – Пелагея Семёновна, мужа при мне не было. Дети: Николай, Павел, Саша (Александр Андреевич – учитель).
17. Напротив Трусовых жил отец Павел с монашкой, но её забрали в 1937 году как «врага народа». С ним стала жить «тётя», так её все звали. Это была хозяйка дома Александра Гребенщикова.
18. В этом же доме после смерти отца Павла стали жить дьякон со своей семьёй. Трусовы Павел, жена Ираида и дети – Герман, Надя, Ангелина и маленькая Соня, что родилась после войны. Но вскоре дьякона Павла направили служить в город Лысьву, и Трусовы уехали туда всей семьёй.
19. Петуховы Григорий (в 1941 году ушёл на фронт и не вернулся), жена Наталья Александровна. Дети Геннадий и Вера, но в 1941 году погибли во время пожара в доме.

На пустыре:

20. Две сестры Сырохватовы, «казачки», – ничего о них не знаю, детей у них не было.
21. Бочкарёвы – родителей не помню. Дети: старшую дочь не помню, при мне она была уже замужем. Вторая дочь Зоя и сын Коля. Вот и все жители (кроме квартирантов) на нашей интересной улице Братьев Собакиных.

О жителях улицы Братьев Собакиных (кроме Никольщины)

Наша улица начиналась в районе Никольщины, затем продолжалась после пустыря. Правда, на пустыре стояли ещё два дома. В первом жила семья Бочкарёвых, но я видел только их сына Колю. Поговаривали, что у него с головой было не всё в порядке.

Во втором доме жили две сестры Сырохватовы, Зина и Зоя, по прозвищу «казачки», но я с ними ни разу не встречался. Со слов Нины Ширёвой, Зоя вышла замуж за Ивана Малютина, и жили они на нашей улице, на берегу Малого озера.

Наша полуулица начиналась с небольшого дома, в котором раньше жила семья Коноваловых, где и родился мой папа. Хозяин семейства Александр рано ушёл из жизни, поэтому его жена Екатерина Дмитриевна (моя бабушка по отцу) одна воспитывала троих детей: Василия (моего отца), Наталию и Татьяну.

Жили очень бедно, из-за этого Василий ещё пацаном стал работать. Устроился на Сользавод посыльным. Рано утром бегал по домам, будил рабочих на завод, чтоб не опаздывали. Ведь в то время не было гудков, а у людей тогда ещё не было будильников.

Затем его приняли на службу в Пожарком при Сользаводе, где он и проработал до переселения.

Василий дослужился до начальника пожарно-сторожевой охраны, которая обслуживала Сользавод, посёлки Дедюхино и Лёнва. В Лёнве тоже был Пожарком под его началом. На фронт папу не забрали, так как администрация завода добивалась его брони.

После переселения в посёлок Абрамово отец работал плотником на КамГЭС. 17 января 1958г. папа умер, ему было всего лишь 50 лет. Отец был очень хорошим, трудолюбивым, добрым и довольно смелым человеком. Старался по возможности всем помочь.

Вернёмся к хозяйке семейства. Баба Катя, судя по всему, нигде не работала, вела хозяйство и воспитывала своих детей, а потом помогала водиться с внучатами. Умерла баба Катя во время войны.

Дом Коноваловых переходит к Петуховым. Василий в 1926 году женился на Левиной Федосье Андреевне и переехал во вновь купленный дом №41 на этой же улице. Подробнее об этом расскажу позднее. Наталья, папина сестра, вышла замуж за Григория Петухова. У них было двое детей, Геннадий и Вера, поэтому дом стал принадлежать Петуховым. Осенью 1941 года в этом доме случился пожар, когда взрослых не было рядом. Дети пострадали от ожогов и угара, спасти их не удалось, они погибли. Григория, как хозяина дома, семейства, вместо суда и тюрьмы отправили на фронт. С фронта он так и не вернулся, от него не было ни одной весточки и даже похоронки. Считается пропавшим без вести.

Наталья Петухова

Дважды выходила замуж, не меняя фамилии. Имела двоих детей, Валеру и Люду. Умерла в Губахе 22.11.1985 года.

Тётя Наташа (на фото слева) во время войны работала в посёлке Лёнва на Петровском заводе. А после войны служила «в людях» нянкой. В последние годы уехала в Губаху к сестре Татьяне, где и умерла 23.08.1986г.

Тётя Таня (на фото справа) во время войны уехала в город Губаху и работала на коксохимическом заводе.

Татьяна Коновалова

Левина Федосья Андреевна родилась и жила на улице Коммуны в семье Левиных Андрея Григорьевича и Елизаветы. Левины в Дедюхино переехали из Усолки Соликамского района. Андрей Григорьевич работал на Сользаводе кочегаром. Жена его, Елизавета, рано ушла из жизни, оставив троих детей: Алексея, Федосью и Анну. Андрей Григорьевич затем женился на Латкиной Александре, и в семействе прибыло ещё трое: Григорий, Клавдия и Геннадий.

Алексей с 1907 года в основном служил в военизированной пожарной охране города Березники в звании старшего лейтенанта. Он был женат на Анфисе Петровне, имел двоих детей, Валерия и Юрия. Дети сейчас живут в Москве. Федосья Андреевна, моя мама, с 1909 года была домохозяйкой. Вела хозяйство и воспитывала детей: Валентина, 1929г.р., Виктора, 1932г.р., и дочь

Гету, 1940г.р. Немного работала на лесопилке и поваром в детском саду. Была общительной и уважаемой женщиной в посёлке.

Анна, 1911г.р., была замужем за Ошмариным Яковом Александровичем, который работал на АТЗ котельщиком. Анна была домохозяйкой, детей у них не было, жили в Березниках.

Григорий, 1920г.р., жениться не успел, так как был призван и участвовал в Финской войне, после которой сразу был призван на фронт ВОВ, где и погиб под Ленинградом.

Клавдия, 1928г.р., с пятого класса была направлена на ФЗО, затем работала на Содовом заводе аппаратчиком. Была замужем за Лоскутовым Василием Ивановичем. Имела детей – Таню, Нину, Люду, сына Андрея. Жили в посёлке Абрамово. Родителей нет в живых, а дети живут в Березниках, кроме сына Андрея, который давно ушёл из жизни.

Геннадий, последний брат Федосьи Андреевны, 1938г.р., был женат на Лене, у них было двое сыновей, Саша и Серёжа, жили в посёлке Абрамово.

Валентин Коновалов

Родители работали на БТМК, Геннадий работал электросварщиком. Геннадий и Лена умерли, дети живут в городе Березники. Оба служили в горячих точках: Саша воевал в Афганистане, а Серёжа служил в «ОМОНе», бывал в командировках в Чечне.

Продолжаем о семействе Коноваловых, Василии Александровича и Федосье Андреевне. Старший сын Валентин, 1929г.р. (на фото), после пятого класса школу бросил и пошёл служить в церковь (пономарём), помогать бабушке. В 1950г. был призван в армию. После армии женился, работал на БТМК электриком. Детей у них не было. Ушёл из жизни в апреле 1983г.

Я, Виктор, 26.02.1932г.р., появился на свет в годы сильной голодовки не только у нас, в Дедюхино, а по всей России. По рассказам родителей, был случай, когда мама лежала в больнице со старшим братом, а я ещё был младенцем, то моя бабушка нянчилась со мной и, чтоб я не плакал, жевала беззубым ртом мякиш чёрного хлеба, закладывала в марлю и совала мне в рот вместо соски (маминой). Но рос я

чуть покрепче старшего брата, поэтому папа чаще меня брал в помощники, так как работы было много.

А третьим ребёнком у Коноваловых была дочь Гета. Родилась 13 апреля 1940 г. Росла среди нас, братьев. Приходилось всюду брать её с собой, чтобы не отвлекала маму от работы по хозяйству и в огороде.

После переселения и окончания учёбы в школе Гета трудилась на заводе электроосветительной аппаратуры. Гета вышла замуж за дедюхинского парня Виктора Федосеева. У них родилась дочь Люба.

Много лет Гета проработала на Березниковском молокозаводе начальником отдела кадров. Будучи на пенсии, переехала жить в Пермь. В 2013 г. дочь забрала маму поближе к себе. Люба

живёт и работает в Москве, Гета сейчас проживает в Подмосковье.

Семья Коноваловых

Разливы Камы

Ранней весной, до разлива реки Камы, надо было всё подготовить к затоплению, всё закрепить во дворе, заготовить хороший плот для скота, отремонтировать лодку, а как Кама разольётся, ехать с папой в верха Камы за лесом, под Лысьву и выше. Там после ночёвки начинали ловить плавучие брёвна и сколачивать в плоты. С плотами спускались по течению до Дедюхино, а затем плоты подводили к дому. Как только вода сойдёт, срочно надо было все брёвна перепилить, переколоть и сложить в поленницу, иначе штрафовали как за строевой лес. Вечерами катались на лодках, простор был великий, воздух свежий, ароматный, так как уже вовсю цвела черёмуха. На работу, в школу, в магазин можно было добраться только на лодке. Особенно большой паводок мне запомнился в 1946г. У нас жили соседи, когда их дом затопило, и мы тоже ждали переселения на чердак, но...Бог миловал, прибыль воды остановилась буквально перед нашим порогом. Была работа для нас, пацанов, особенно в православный праздник – Николин день. В это время, как обычно, перетапливало дорогу между улицами Озёрной и Братьев Собакиных, и нам приходилось перевозить всех желающих помолиться в

церкви в этот праздник утром, а затем, после службы, обратно. Конечно, уставали порядочно. Нам за переезд давали копейки, но мы были довольны. Купались, бывало, прямо на улице, рыбачили бреднем в своём огороде. После схода паводка, обычно с 11 июня (день рождения мамы), начинали копать огород под мелочь, а уже потом под картошку. Но вот что интересно – всё поспевало вовремя. Даже на страду (общий сенокос) мама подкапывала картошку, а это, как правило, июль, и картошка была нормальной.

Зато помню, что после схода воды все жители выходили на очистку улицы, всё выметали, мусор убирали, зато всё лето улица у нас была чистой, зелёной, и мы, ребятня, могли валяться, загорать на полянке. Летом бегали купаться на Чашкинское озеро. С 10–12 лет уже начал с мужиками косить покосы, хотя вначале очень уставал, но привык. Любил участвовать в метании зародов (зарод – это стог, скирд сена, соломы или снопов обычно большого размера и продолговатой формы - прим. ред.) – стоять на зароде, у меня как-то получалось сворачивать зарод, ведь очень важно, чтобы зарод не промок. В конце нашей улицы, между улицами Братьев Собакиных и Озёрной, находилось Малое озеро, внутри которого било несколько ключей. Поэтому вода в нём практически не застаивалась. Перед озером стояли три дома: Лалетиных, Мальцевых и Малютиных. Избыточная вода из озера вытекала по ручейку под мостом, затем перед домами Бочкарёвых, Петуховых и далее. В этом озере мы, ребята, купались редко. Воду из него использовали в основном для полива огородов, для полоскания белья, чтобы поить скот.

Трудовая биография

Итак, я окончил Дедюхинскую семилетку и поступил в ремесленное училище №5. После его окончания аппаратчиком 6-го разряда был направлен на Анилиноокрасочный завод (впоследствии Химзавод). На этом заводе проработал в общей сложности 41 год. Начал аппаратчиком, затем был слесарем. А после окончания вечернего отделения строительного техникума работал инженером-наладчиком вентиляции, затем старшим инженером и, наконец, руководителем вентбюро. В 1990 году, будучи уже на пенсии по вредности, задержался по просьбе администрации завода.

В КПСС никогда не состоял, а был только общественником, профсоюзником: член цехкома, председатель цехкома, член профкома. До конца работы на заводе был бессменным членом (и председателем) комиссии профкома по охране труда и технике безопасности.

С завода я уходил в армию. После армии членом ВЛКСМ вернулся на родной завод. За время работы на заводе неоднократно был награждён почётными грамотами с занесением на заводскую Доску почёта.

В 1957г. по решению горкома ВЛКСМ был направлен бригадиром сводной бригады на освоение целинных и залежных земель в Кокчетавскую область Казахстана. По окончании работ на целине был награждён знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных и залежных земель».

После возвращения с работ на целине нам, троим целинникам, завод выделил путёвки в Дом отдыха «Огурдино». Там я и познакомился с Машей Колтунович. В декабре 1957г. мы с ней поженились, создав новую семью Коноваловых. Но вот интересная история – Маша родилась на Ждановских полях (г.Березники), и крестили её в нашей, дедюхинской церкви, потому что в день крестин в ближайшей, лёнвинской церкви не было службы. По пути с крестин Машеньку нужно было перепеленать. И родители с ребёнком по случайным обстоятельствам попросились в дом Коноваловых. Наша улица была первой на пути из церкви. Девочку перепеленали, взрослые отдохнули, попили чай, побеседовали и отправились домой. Только через 20 с небольшим лет, на нашей свадьбе наши родители разговорились и вспомнили о том дне. Вспомнилось, что женщина была с Украины, на ней традиционно был большой цветастый платок. В шутку говорили, что я Машеньку через 20 лет нашёл по запаху. С Машенькой мы прожили 50 лет. Воспитали двух дочерей, Лену и Галю. Они обе получили высшее образование, обе замужем, имеют детей.

Моя жена Машенька была доброй, хозяйственной, умной. Работала на БТМК в экспресс-лаборатории старшим лаборантом. В семье она была нашим «генералом», умела всем подсказать, помочь, посоветовать. Ушла от нас Машенька 9 августа 2007г. в 70 лет. Вот что интересно – и меня, и Машеньку (Марию Григорьевну) крестили, правда, каждого в своё время, в дедюхинской церкви.

Работа в городской больнице №2

Так вот, после увольнения с завода в 1990г. меня, как специалиста по вентиляции, пригласили помочь во вновь построенную городскую больницу № 2 разобраться с системами вентиляции. Больницу построили на месте корпусов, привезённых из Дедюхино (бывшая дедюхинская больница). Новый больничный городок строился силами заключённых, отбывавших срок «химии». По проекту воздухопроводов, вентиляционных систем не было. Все вентиляционные каналы были предусмотрены внутри стен. Строители

особенно не задумывались о последствиях и качестве своей работы. Поэтому часть каналов была засыпана строительным мусором, говоря проще, кирпичом. Когда я пришёл, часть оборудования была в нерабочем состоянии, по засоренным каналам не проходил воздух. Проектная документация отсутствовала. Принять в работу здания и все инженерные сети с недоделками и неисправностями – таков был приказ сверху. Иначе – партбилет на стол! Денег и возможностей на устранение и исправление недоделок у больницы не было. А санэпидемстанция требовала соответствия СанПиНу. Я проработал в этой больнице 19 лет. Как мог, всё настраивал, исправлял. Со всем коллективом доработал до юбилея – 80 лет. В декабре 2005 года Вторая городская больница, которая продолжала деятельность дедюхинской, отмечала такой юбилей. Дедюхинская больница была запущена в эксплуатацию в декабре 1925 года.

В итоге мой общий трудовой стаж составил 60 лет.

В настоящее время я не работаю. Теперь я отдыхаю уже как пенсионер. Очень доволен детьми. У меня есть один внук и три внучки. А ещё я прадедушка, имею семерых правнуков. Они все меня знают и уважают. Часто приходят ко мне в гости, иногда всем гамузом (толпой – прим. ред.). И тогда дом оживает, в нём становится шумно и весело.

Трусовы

Вернёмся немного назад. Между домами Петуховых и Коноваловых жили Трусовы. Хозяйкой была пожилая женщина Пелагея Семёновна, вдова. Воспитывала детей – Николая, Павла и Александра. Николай в звании майора служил на Дальнем Востоке в войсках связи. На пенсию вышел в звании подполковника. Участвовал в Великой Отечественной войне. Закончил войну в Японии. На родину, в Дедюхино, скорее всего, не приезжал, поэтому мне с ним встречаться не приходилось.

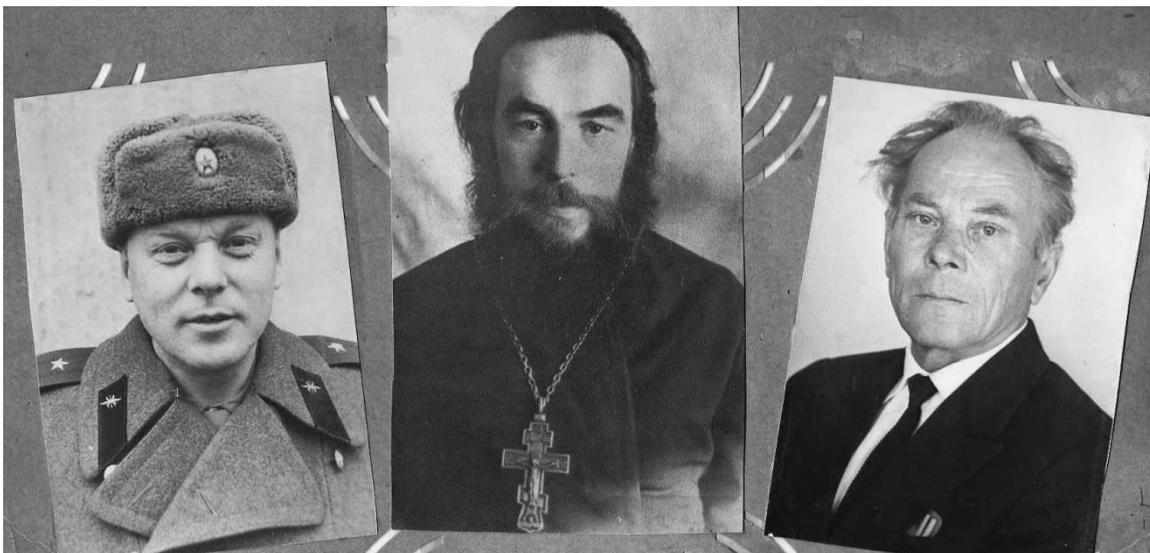
Павел при мне служил в церкви дьяконом. Был женат на Ираиде. Они имели троих детей – Германа, Надежду, Ангелину. После смерти священника отца Павла, который жил в доме напротив, Павел со своей семьёй переехал в его дом. Оттуда был призван во время войны на фронт. После войны в 1946 году вернулся домой и был направлен служить в церковь г. Лысьва. Они уехали туда всей семьёй. А в доме после них в Дедюхино жили квартиранты.

Семья Павла Трусова в Лысьве

Александр (Александр Андреевич) во время ВОВ был на фронте. После войны в Дедюхино работал в школе-семилетке учителем математики. Женился на Зое Валентиновне Шумиловой. В Дедюхино у них родились двое сыновей, Леонид и Николай. Во время переселения их семья переехала в посёлок Семьино. Там у них родился сын Паша.

Напротив дома Трусовых (Пелагеи Семёновны) стоял большой одноэтажный дом, в котором проживал батюшка – отец Павел (Павел Ильич Попов). Он был уже в преклонном возрасте и жил вместе с хозяйкой дома, «тётёй» – так её называли и дети, и взрослые. Но на самом деле звали её

Братья Трусовы: слева направо – Николай, Павел, Александр

Александрой Якимовной Гребенщиковой. Она присматривала за бабушкой до самой смерти. Умер отец Павел 26 августа 1936 г. Хоронили его с почестями в ограде церкви.

Вначале при отце Павле жила монашка, но примерно за год до смерти бабушки за монашкой приехал «чёрный воронок» и забрал её, как врага народа. Так и пропала женщина. Ни от неё, ни от властей никаких вестей не было.

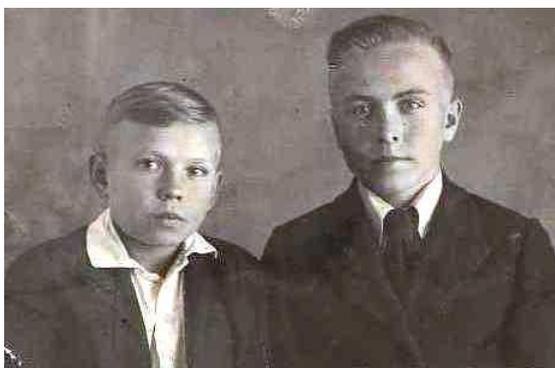
Александра Якимовна («тётя») тоже была довольно преклонного возраста, поэтому вскоре после смерти отца Павла переписала дом на Трусовых.

Когда умерла сама Александра Якимовна, в этот дом переехала семья Павла Андреевича Трусова, жена Ираида и дети – Герман, Надежда, Ангелина. Ещё у них родилась дочка Соня после войны.

После отъезда в Лысьву Павла с семьёй в доме жили квартиранты Леонтьевы. Глава семьи Иван Леонтьев, что пришёл с фронта вместе с Александром Андреевичем Трусовым, женился на дедюхинской девушке Софье Ивановне Дубровиной. Она работала медсестрой в больнице, а Иван – фотографом на Содовом заводе. У них было двое детей. Леонтьевы переехали в другое место. Последней перед переселением в этом доме жила семья Дмитрия Александровича Окулова. Он работал механиком гаража на Содовом заводе. И Вера, жена его, работала. С ребёнком водилась няня, девушка не из нашего посёлка.

Далее. Следующей за домом Коноваловых располагалась небольшая избушка, в которой жили Барановы. Хозяйка Наташа, вдова, воспитывала двух дочерей, Зою и Тамару. Зоя не выходила замуж, но родила ребёнка и при родах умерла, ей было примерно 28–30 лет. Вскоре ушла в мир иной и баба Наташа. Тамара жила одна, работала на Лёнвинском хлебозаводе. При переселении переехала к кому-то в посёлок Абрамово.

По соседству с Барановыми стоял большой двухэтажный дом, в котором

*Виктор Коновалов и
Александр Яргин, 1945г.*

жила семья Ярыгиных. Хозяин дома Гаврил в своё время работал бухгалтером, но заболел чахоткой (туберкулёзом) и рано умер. Дети остались жить одни – старшая дочь Валентина, затем Нина, сын Саша, Оля. Валентина в конце войны вышла замуж за одного из проходивших лечение в госпитале, но после рождения ребёнка умерла. Нина Гавриловна, на которой в

основном и держался весь дом, хозяйство, работала во время войны в Лёнвинском райсовете. Саша ушёл в армию, там и остался служить сверхсрочником.

Ольга после окончания медицинского училища вышла замуж за офицера. Домой ни Саша, ни Ольга больше не вернулись. Нина Гавриловна прожила в доме до переселения, вышла замуж и во время переселения их Дедюхино перевезла дом в посёлок Сёмино. С мужем, Яковом Сидоровичем, родили двоих сыновей, Вову и Сашу. Напротив Ярыгиных жила семья Ведерниковых: Степан Игнатьевич (во время войны погиб), Анна Ильинична и дети – Мария, Зина и Оля. До переселения жили и работали, по возможности вели своё хозяйство. Во время переселения из Дедюхино, они, по-моему, переселились в посёлок Сёмино.

Семья Ведерниковых

В продолжение описания улицы Братьев Собакиных ввиду того, что

улица была разбросана (почему-то именно по два дома), я постараюсь описать расположение этих домов и, соответственно, их жителей.

Первый от улицы Озёрной дом можно назвать домом Петуховых. Это двухэтажный дом, хозяином которого являлся Павел Иванович с женой Женей Петуховы.

Рядом с ними жила семья Бочкарёвых. Хозяин дома, Степан, с ними не жил, хозяйки не было.

Соседки – стоят слева направо Валя Лалетина, Лина Трусова. Сидят слева направо Мира Петухова, Рита Зрячих, Плюснина

Дети, Геннадий (жил и воспитывался у бабушки на соседней улице), дочери Надя и Ира жили самостоятельно. Конечно, отец им помогал. Затем они съехали.

Заехали в этот дом Копелевы. Екатерина Ильинична, родная сестра Анны Ильиничны Ведерниковой, и их огороды в то время межевались. Хозяина у них не было, но было двое детей. Этот дом находился как раз напротив маленького моста у нашего Малого озера, под мост шёл ручей. На берегу Малого озера тоже стояли два дома. Ближе к ворге (топкий, заросший кустарником овраг, залив – прим. ред.) жили Малютины. Хозяин Иван, бывший фронтовик, с фронта был демобилизован по ранению. Жена Зоя. Воспитывали двух детей, Алю и Нину.

Следующим на берегу озера (при мне) был большой и красивый дом, между прочим, построенный на небольшой высоте, по сравнению с общим берегом, и, по словам жителей того времени, на месте небольшой часовни. Жили в нём Мальцевы. Хозяина дома звали Михаил, его супругу Анна. Они воспитывали детей Сашу, Валентину, Юру и Бориса.

А вот Лалетин Александр поставил дом на углу, перед дорогой из посёлка Дедюхино на кладбищенскую церковь и Малое озеро. Дом был высокий, красивый, одноэтажный. Саша работал, как и многие, на Сользаводе. Хозяйку звали Татьяна Ивановна. Жили в достатке, воспитывали детей – Зою, Тамару, Римму, Валентину и Бориса.

После переселения судьбы супругов разошлись. Муж Александр уехал с Сользаводом в посёлок Боровой Соликамского района, а Татьяна Ивановна с детьми остались в городе Березники.

А вот дом Чугаевых стоял на перекрёстке двух дорог. Одна шла из посёлка Дедюхино мимо Малого озера до церкви с кладбищем. Вторая, пересекавшая первую, шла через нашу улицу Братьев Собакиных в воргу, к Чашкинскому озеру и далее. Об этой семье я очень мало знаю. Хозяина этого дома я не видел, так как при мне его вообще не было. Хозяйка была как-то замкнута, и я не знаю, как её звали. Помню одно, что её просто звали Чугаихой. Она часто сидела у окна, выходящего на дорогу в воргу. И мы, пацаны, да и взрослые, мне казалось, опасались идти в лес за ягодами, грибами, если Чугаиха смотрит в окно на дорогу. Поговаривали, что у неё какой-то взгляд презрительный и обязательно не повезёт. У неё было две дочери, Римма и Тамара. Они жили как-то отчуждённо, почти не общались с соседями (это моё личное мнение).

Напротив Чугаевых, на том же перекрёстке, только через дорогу, была небольшая избушка. В ней жили Мизёвы. Хозяина звали Емельян Егорович.

Он был не местный, а пришлый коми-пермяк, человек был замкнутый, старался ни с кем не общаться. Работал сторожем от артели «Уралец» и свиарник сторожил, а летом обычно сторожил поля картошки, гороха. Жена его, Анна, тоже коми-пермячка. У неё был сын Коля от первого брака. Она была более общительна с соседями, очень уважала мою маму и часто приходила к нам. Работала Анна в свиарнике, особенно доверяли ей принимать роды у свиней, так как она, видимо, обладала определённым опытом. Мне лично она запомнилась тем, что при любом разговоре она всегда применяла в разговоре, очевидно, её природное «око-ко».

За нашим домом, у дороги на коллективные огороды, стояли ещё два дома. В первом от дороги на кладбище жили Петуховы по прозвищу «цисары». Хозяйка Мария Яковлевна работала на Сользаводе. Воспитала двоих детей, Риту и Колю. Но вскоре умерла, дети остались одни.

Рядом жил вдовец Краев с дочкой Зиной. В конце ВОВ дом продал. Заехала семья Зрячих: Алексей с женой Людмилой и детьми Ритой, Лёвой, а потом ещё и Алей. Здесь они прожили года два и уехали в Набережные Челны, но тоже ненадолго, вновь вернулись в Дедюхино, но уже в частную квартиру.

Детство в Дедюхино.

Находки

Однажды бегал пацаном по своей улице Братьев Собакиных, а было это в 1938/39 году, еще до Великой Отечественной войны. Я в траве нашёл мелочь, ведь у нас вся улица летом была покрыта свежей зелёной растительностью. Сейчас не помню, сколько нашёл копеек. Конечно, очень обрадовался и побежал домой похвастаться маме. Но мама мне сказала: «Не радуйся, что нашёл, не тужи, что потерял, а иди и спроси у соседей, может, кто-то обронил и сейчас переживает за потерю». Что я и сделал, но никто не признался в пропаже. Тогда я собрал ребят, мы посоветовались и решили сходить в магазин, купить на все деньги конфет. Похоже, в то время конфеты были дешёвые, потому что мы досыта наелись. А ведь нас было человек пять. Мама мой поступок

Детсад в Дедюхино. 1940г.

одобрила. Мы с ребятами: я, мой брат Валентин, Гера и Надя Трусовы и Саша Ярыгин, специально попросили продавщицу, чтоб она нам продала конфеты подешевле, тогда получится побольше. Вот только не помню, что это были за конфеты и как они назывались, но помню, что это было очень вкусно. Так мы отметили мою первую находку.

И ещё был случай. Эту находку, серебряную цепочку от карманных часов, хранил примерно лет пятьдесят. Раньше это было модно, и зажиточные мужчины носили часы в кармане жилета, а цепочка обязательно свисала из одежды, чтоб была видна. У нас на улице не было подобных мужчин-богачей, но как попала серебряная цепочка от карманных часов к нам на улицу, я понятия не имею. Ясно только одно – что на ней был сломан карабин, что застёгивается с кольцом часов. Мне тогда было лет шесть или семь. Я нашёл эту цепочку, и так как никто с нашей улицы не был похож на богача, то я её оставил у себя и положил в коробочку, где хранил полтинник, так как считается, что в полтиннике содержится девять граммов чистого серебра. А полтинник мне передала «тётя» после смерти нашего батюшки, отца Павла, по его просьбе перед смертью одарить всех детей нашей улицы полтинниками.

В итоге этот полтинник и серебряная цепочка в дальнейшем послужили началом стать мне нумизматом-коллекционером разных старинных и иностранных монет.

С цепочкой я расстался где-то в 1988 году. Поменял эту цепочку на валюту достоинством 30 рублей, которая функционировали у нас в основном во время войны, – «Красная тридцатка». Я очень долго гонялся за ней, но нигде и ни у кого такой тридцатки не оказалось, она была только в музеях, сколько я не пытался, а заполучить не удавалось. И просто случайно как-то разговорились с одним тоже пожилым коллекционером и обменялись нужными нам вещами.

Очень ценная находка

Третий случай произошёл в конце войны, весной 1945 года. Мы тогда учились уже в кирпичной двухэтажной школе-семилетке, что стояла на улице Всеобуча, напротив бывшего собора. Когда-то в нём жили-служили монахи, а во время войны там просто варили брагу для населения в артели «Уралец».

Школа также находилась вблизи нашей речки Канавы, а я жил на противоположной стороне, по дороге к кладбищенской церкви. Поэтому из школы домой в тёплое время года мы шли по Гавани. Берег Канавы был высоким, засыпанным шлаком-золой от варниц Сользавода. Потом мы двигались мимо бывшего собора, парка (летний сад посёлка, созданный

монахами в XVIII–XIX веках), мимо больничных корпусов, которые были во время войны заняты госпиталями. После них шли через реку Канаву по большому мосту по дороге на кладбище, а потом ещё по малому мосту, что находился у Малого озера, между улицами Озёрной и Братьев Собакиных, где я и жил. В холодное время года, когда эта река покрывалась крепким льдом, дорога наша, пусть не на много, но сокращалась. Мы, школяры, из школы по берегу спускались на лёд Канавы и по тропе переходили на противоположный берег, в район роддома, а тут и наша дорога к дому, минуя мост.

В этот примечательный день я шёл из школы один, день был хотя и зимний, но солнечный. Пройдя из школы по мосту через Канаву, поднялся на противоположный берег к роддому. Идя по дороге напротив роддома, увидел небольшой свёрток в носовом платке. Сыграло мальчишеское любопытство. Поднял свёрток и решил посмотреть, что там, в носовом платочке. А когда раскрыл находку, то просто опешил! В платке были завернуты деньги и карточки: одна карточка хлебная и одна продуктовая на весь месяц. Я, конечно, напугался, я понимал, что это значит для человека, который потерял карточки. Я осмотрелся кругом, но никого вблизи не было, может, назло, может, наудачу. Тогда решил идти домой и посоветоваться с мамой. Мама посмотрела карточки и обнаружила на них штамп швейной фабрики, которая находилась недалеко от роддома и служила для обороны. Там шили нательное бельё и солдатскую форму. Кроме карточек, в этом свёртке ещё были деньги, рублей 135 или 136.

И вот, взвесив все «за» и «против», зная наверняка, что может быть с человеком за месяц без хлеба, продуктов и без денег, мы решили всю находку вернуть в контору швейной фабрики, так как мы не знали владельца данной потери. И ещё мама посоветовала, чтобы я с собой пригласил кого-нибудь из ребят – вроде свидетелей. И мы, трое ребят, пошли в контору швейной фабрики, которой командовал товарищ Матасов. Не помню имя и отчество, ведь он не дедюхинский, а эвакуированный москвич. Как раз он был отец того пацана, Матасова Васи, с которым мы трое – я, Коновалов Витя, Третьяков Боря и Вася Матасов, пытались сбежать на фронт, чтобы стать «сыновьями полка» и помочь фронту. Но наша попытка не удалась, потому что наш коварный план был вовремя раскрыт родителями, и лично меня временно посадили под «домашний арест».

Продолжаем повествование. Мы пришли в контору швейной фабрики и рассказали о находке. Женщины в конторе очень удивились. Как это пацаны во время войны и всеобщей голодовки самостоятельно принесли находку: хлебную и продуктовую карточки на целый месяц, и даже деньги!

Пострадавшей оказалась одинокая пожилая женщина, работающая на швейной фабрике техничкой-уборщицей. Нас даже не спросили, чьи мы. А дали нам троим по лоскуточку белой ткани на носовые платки. Вот это для нас был подарок!

О двенадцати гривах

У нас в Дедюхино, в нашем закутке на улице Братьев Собакиных соседи держали несколько коров. В частности, Ярыгины, Ведерниковы. У нас, Коноваловых, была красно-рыжая очень красивая корова с белой полосой на морде ото лба до ноздрей, да ещё и с ровными острыми рогами. Наша Малютка была очень дружна тоже с коноваловской белой с чёрными пятнами крупной коровой с Озёрной улицы. Они обычно всегда, всё лето бывали вместе.

Также коров держали Лалетины, Мальцевы и Петуховы, что жили рядом с Бочкарёвыми в двухэтажном доме.

В Дедюхино коров обычно в стаде не держали и пастухов у нас не было. Скот находился на свободном пастбище и пасся всегда там, где хотел. Как правило, с весны все коровы уходили пастись через воргу и, бывало, уходили очень далеко, до Красного (так назывались сенокосные луга) и чуть ли не до Прорыва, но когда травы поспевали (это где-то в начале июля), а то и раньше, воргу перегораживали от посёлка забором, чтобы скот не топтал травы на покосах. Вот тогда скот, особенно с нашей стороны, направлялся в сторону кладбища. Там, за кладбищем, находилось раздолье болот, а также очень замечательных, красивых и богатых, двенадцати грив. Почему их называли гривами, а не островами или ещё как, я не знаю. На этих гривах было приволье: и мелкий лес, и много полян со свежей сочной травой. Летом погода у нас в те годы была очень тёплая, жаркая, а коли грива была окружена болотом, то влаги для трав хватало с лихвой. Болота не высыхали, так как их в какой-то степени подпитывало Малое озеро, которое находилось почти в пределах нашей улицы Братьев Собакиных. В нашем озере имелось несколько ключей, которые подпитывали его свежей артезианской водой, а избыток воды из озера мог вытекать в три русла проток.

Одна из проток шла под маленьким мостом около дома Бочкарёвых, Поповых, вдоль за улицей Озёрной и т.д. Второй источник был связан с речкой Канава, а третий источник шёл из озера мимо дома Малютиных, за огородами Чугаевых, около свинарника, даже огибал кладбище и вливался в болото, где и находились упомянутые мной 12 грив. Меня как-то сразу, ещё в детстве заинтересовало, почему эти участки суши среди такого большого

болота называли гривами, причём этих грив было не 11 и не 13, а точно дюжина, то есть 12. Но я так и не смог этого уточнить. В своё время это было уникальное место, поскольку на гривах мы собирали грибы, ягоды, особенно у грив было изобилие голубики, по берегу гривы – черника, костяника, правда, на гривах была и земляника, но немного, а в болоте клюквы – сколько хочешь. Вот этим и славились наши двенадцать грив, разделённых болотной грязью. А болотца, что разделяли наши гривы, иной раз называли грязями, это было просто объяснить. Когда перегораживали воргу, чтобы скот не смог топтать траву покосов, то коровы, особенно наши, ходили пастись, минуя кладбище, на эти гривы, а так как между гривами болотный промежуток, то скот его до того вытаптывал, что эта тропа была, конечно, не болотная, покрытая мхом, травой, а просто месивом грязи. А мы любили туда ходить, особенно со второй половины лета, когда скоту была перегорожена дорога на сенокосные травы. Тогда коровы шли на эти гривы, а они, в общей сложности, тянулись более километра. Так вот нам, пацанам, приходилось бродить по этим гривам, грязям больше не по охоте, а по велению родителей. Поздний вечер, полночь, говорят: «Иди, ищи корову и без коровы не возвращайся». Уже темно на улице, а идти надо, тем более через кладбище, фонариков, конечно, в то время у нас не было. Порой становилось страшновато, темно, зачастую один, а всё-таки кладбище есть кладбище, а там лежат покойники, и об этом было много всяких баек. Ходили слухи, что там бывают приведения, что неугодных даже душат до смерти и их находят уже утром или днём мёртвыми. Были ли это байки или нет – точно не скажу, но... А что поделаешь, надо идти и искать впотьмах свою корову. Конечно, это было непросто, ведь не секрет, что когда скот отдыхает, особенно ночами, он лежит спокойно и пережёвывает то, что наел днём, поэтому даже если у какой-то коровы есть колокольчик, то его не слышать. Поэтому очень трудно найти свою корову тёмной ночью и при этом ещё в лесном массиве, а когда найдёшь и отдашь припасённый для неё кусок хлеба, то она всегда бывала за это благодарна, и я в этот момент ощущал себя самым счастливым человеком на земле.

Мне почему-то удавалось находить нашу Малютку. Поэтому наша соседка Анна Ильинична Ведерникова пыталась в подобных случаях уловить, когда я иду поздно вечером на поиски своей коровы, и просила взять с собой её дочь Зину. Если я найду лежанку коров ночью, то моя Малютка, услышав мой голос и своё имя, обязательно отзовётся, а корова Ведерниковых мой голос не знает, и на мой призыв к ней она не откликнется. А голос Зины и своё имя она знает и отзовётся. Коровы знают – если их зовут, то обязательно дадут кусок хлеба. Это такое правило.

Вот поэтому Зина Ведерникова несколько раз со мной почти ночью ходила через кладбище, через болото, по гривам в поисках своей коровы. Я не знаю почему, ведь и у меня был старший брат, и у Зины была старшая сестра, но посылали нас. Но раз надо – так надо. Особенно мне запомнился первый раз, когда мы с Зиной, а она почти ещё дитя, шли через кладбище. Она практически вся дрожала и произнесла: «Витя, мне страшно». Я ответил: «А вот мне не страшно, потому что мы с тобой идём рядом, так почему тебе должно быть страшно, если мы с тобой? Коли я не боюсь, то и ты со мной не бойся». А вот как подошли к болоту, грязь, жижа, конечно, это в более тёмное время, совсем не дело для детского возраста, тогда я взял её на крошки(за плечи) и перешёл одно болото, потом второе, третье. Коров мы нашли аж на четвёртой или пятой гриве, но были счастливы, как никогда, угостили своих коровушек хлебом и по-своему от радости целовали их. Домой шли довольные, счастливые и никакого страха и неудобств не испытывали.

К слову сказать, было ещё несколько наших прогулок с Зиной Ведерниковой, а я ходил на эту прогулку за лето несчётное количество раз. Многие хозяева не ходили по ночам искать своих коров, а вот моя мама не хотела, чтобы наша Малютка запустила удои молока, так как коровы, если их вовремя не подоят, теряют молоко. Корова начинает давать его меньше. Кроме того, чем чаще корова ночует вне дома, тем больше она привыкает к этим нехорошим повадкам. Некоторые ходили искать коров рано утром, после ночёвки, но это потеря вечернего удоя.

Итак, мы заканчиваем рассказ о посещении 12 грив. Как я уже говорил, что эти 12 грив протянулись от кладбища через болото более километра, и тропа от них выходила к настоящему сухому берегу, где было расположено большое поле. А поле это после них находилось на ровной сухой поверхности около дороги. Она шла из нашего посёлка через воргу на берег Чашкинского озера, далеко до лугов, на Красное и Прорыв. Чашкинское озеро от поля было с правой стороны, если идёшь из посёлка на сенокосные луга.

Там в основном сеяли овёс. Если не ошибаюсь, поле относилось к молочному товариществу – так назывался наш дедюхинский конный двор. Он обеспечивал всех жителей нашего посёлка, имевших скот, транспортом для перевозки сена. Кроме лошадки у нас, в Дедюхино, другого транспорта не было. А даже для захудалой коровушки мешками и на ручной тележке сена на зиму не напасёшься. Вот, очевидно, эту контору и называли молочной, она служила для перевозки сена и дров, конечно.

Очень жаль, что то, что было нам дорого, уничтожено без жалости. Но вмешательство во Вселенную, разрушение гор, безжалостная вырубка леса, поднятие рек и затопление мест поселения, затопление у нас согры (заболоченная местность, покрытая кустарником и мелким лесом – прим.ред.), кедровых промыслов, лесов, сенокосных лугов – так это вообще ужас! И теперь видим, что творится с природой, погодой...

О юношеской жизни в посёлке Дедюхино

В своём родном посёлке Дедюхино мне посчастливилось прожить двадцать незабываемых и счастливых лет, включая ужасные военные годы. И так как жизнь в это время помяла и покалечила не только жителей нашего посёлка, но и всю страну, поэтому умышленно постараюсь в своих воспоминаниях не очень-то заострять внимание на этом периоде.

В основном в нашем посёлке можно было жить – не тужить, были бы здоровье, сила и желание, а для остального счастья было всё. Свежий воздух, рядом лес, а это ягоды, грибы, кедровые шишки, озёра, река Кама и другие водоёмы. А какое удовольствие – спорт в виде купания, катания на лодках, рыбалка! А какие были сенокосы, пастбища для скота, и для нас, пацанов, сбор весенних пестиков, полевого лука! И ещё мы, дедюхинцы, да и не только мы, а все, кто жил по берегам Камы, каждую весну, в половодье, когда река разливалась во всю ширь и затапливала весь наш посёлок, мы, молодёжь, упивалась весёлым вечерним катанием на лодках, пьянящим воздухом от цветения черёмухи и другими запахами. А ещё успевали заготавливать дров на целый год. Кто хоть немного жил в своём частном доме, тот знает, сколько труда, сил и средств необходимо расходовать на приобретение дров для его отопления.

Мы ловили брёвна, плывущие по Каме, плотили и приплавляли их к дому, если позволяла вода. После схода воды срочно пилили дрова, кололи и складывали в поленницы. Позже приходила комиссия и если обнаруживала брёвна, то выписывали большой штраф. Это считалось воровством строевого леса на Каме, но я так не думаю. Эти брёвна в воде намокали и становились топляками, которые и сейчас лежат на дне реки, мешая судоходству. И кто знает, собирая плавающие брёвна по Каме на дрова, совершали ли мы кражу или оказывали помощь реке?

«Тренировка» по прыжкам в длину

Ой, я, кажется, ушёл от основной темы моего повествования. Ведь я хотел рассказать о том, как жизнь в Дедюхино помогла мне в дальнейшем во время службы в армии занять первое место по прыжкам в длину с разбега в четвёртой весенней спартакиаде военной части п.п.74418 в 1954 году, за что у меня имеется грамота.

Наш посёлок не обслуживался пассажирским транспортом. И чтобы попасть в город, надо было пешком пройти через всё Дедюхино, так как мы жили на его краю. Если идти из города, нужно было миновать Лёнву, затем пройти через луга между Лёнвой и Дедюхино и весь наш посёлок. И только в Лёнву иногда, редко, приходила «антилопа» (крытая автомашина со скамейками в кузове). Можно было дойти до Содового завода, оттуда автобусом доехать до города, но за поездку надо было заплатить.

После школы-семилетки я и ещё несколько ребят из Дедюхино поступили в ремесленное училище №5. Надо было утром из дома попасть в город, а вечером, после учебы, возвратиться обратно. Это продолжалось два года, и после окончания нас направили работать на Анилинокрасочный завод.

В каждом случае для проезда в город с пересадкой, а на завод АКЗ выходят две пересадки в один конец и также обратно. И на всё необходимы деньги и ещё время ожидания рейсов, поэтому мы, пацаны, решили ездить на попутках. Бывало, идёшь по дороге, где ходит транспорт, и смотришь – вот идёт машина в твоём направлении. Как только машина проходила мимо и водитель перестаёт тебя видеть, тут необходимо очень быстро настроить себя бежать быстрее машины, чтобы догнать её и рывком, схватившись за задний борт, хорошо оттолкнувшись от дороги, закинуть себя в кузов машины. Тут уж смотри, куда идёт машина – если по пути, то сиди втихаря и следи, чтоб машина не свернула с твоего маршрута. Если начинает сворачивать с пути, то срочно необходимо спрыгнуть с машины так, чтобы скорость бега была не ниже, чем скорость машины, а то будет очень больно падать, кувыркаться, то есть наберёшь очень много ушибов, ссадин, возможны вывихи и переломы. Всякие бывали водители, некоторые сочувствовали нам, некоторые вообще не обращали внимания, некоторые, наоборот, нажимали на газ и, соответственно, очень трудно было безболезненно спрыгнуть и не упасть без ушибов и травм. Так что нужно было очень много тренироваться, потому что путь к успеху требовал жертв.

Нас, пацанов-ремесленников из Дедюхино, было трое: Витя Сергеев, Миша Жуков и я. После практических занятий в цехах Анилинокрасочного завода нужно было добраться до Дедюхино, выйдя из проходной завода.

Рядом проходила железнодорожная магистраль и, подождав товарный состав, который обычно шёл до промплощадки и далее, мы на ходу заскакивали в тамбур товарняка и ехали, минуя город и все пересадки. На промплощадке спрыгивали и дальше, до дома, опять забирались на попутку. Или ехали от Содового завода до Лёнвы на «антилопе», если деньги были, а в основном пешком ходили.

Вот такая у нас была тренировка по ускоренному бегу и прыжкам.

В 1952 году нас из Дедюхино выселили в связи с пуском КамГЭС и затоплением территории нашего посёлка. Мы переселились в Абрамово, куда перевезли свой дом. Но мне в нём пожить не пришлось, так как в 1953 году, после смерти товарища Сталина, потребовались солдаты именно с Урала в горячую точку в ГДР. Ведь там происходили агрессивные действия со стороны ФРГ.

В армии

Итак, я оказался среди солдат воинского контингента Советских войск в ГДР, у города Потсдам.

Будучи уже командиром строевого отделения, получил приказ прибыть срочно с отделением на спортплощадку, что было выполнено.

Оказывается, на стадионе проходила четвёртая весенняя спартакиада войсковой части, где я и служил. Перед нами была поставлена задача произвести прыжки в длину с разбега. А то, что мы только с занятий по строевой подготовке, все изрядно уставшие и потные, никого не интересовало.

Офицерам был дан приказ свыше о проведении соревнований по прыжкам в длину со всем личным составом воинской части. А мы, солдаты, получив приказ командира, обязаны были его выполнить.

И как положено по уставу, командир должен был показать пример, а я как раз и являлся младшим командиром, перед которым была поставлена данная задача. В полном обмундировании, в яловых сапогах разбежался с положенного расстояния и прыгнул в длину.

Судьи и присутствующие удивились: как простой ефрейтор без подготовки, без спортивной формы и вдруг – такие результаты? Офицеры стали спрашивать, кто и где меня тренировал. А я и ответил: «Тренера у меня не было, тренировался сам по прыжкам на идущую попутную машину и обратно, чтоб добраться из дома до работы, а с работы домой». Ведь попутная машина – самый удобный и дешёвый транспорт, во всяком случае, был в мои юношеские годы жизни в посёлке, куда не ходили пассажирские автобусы.

О жизненном пути супруги, которая украшала Мою жизнь в течение 50 лет

Её мама Оляна Даниловна Мельник родилась 2.01.1905г. и жила в селе Гриновцы Любарского района Житомирской области. По рассказам её старших сестёр, Оляна была красивой девушкой. В неё был влюблён паренёк

*Мария до
замужества*

из соседнего села – Гриша Колтунович. Он 1911года рождения, просил, чтобы Оляша вышла за него замуж. Но разница в возрасте сыграла свою роль (она была его старше), тогда это было не принято, и она ему отказала. Чтобы не мучить его, она решила уехать из села в Березники. Тогда здесь жили несколько семей из их села, в своё время выселенных за кулачество на Урал. В Березниках хохлы помогли ей устроиться на работу в столовую при Азотно-туковом заводе, впоследствии она там работала поваром.

Григорий же не смог жить в разлуке и тоже приехал к ней в Березники, тоже устроился работать на АТЗ слесарем-сантехником в пароводоцехе. Это было в 1935 или в 1936 году. Здесь они поженились, им выделили от завода жильё на Ждановских полях в двухэтажном многосемейном доме барачного типа. 17 апреля 1937 года у них родилась дочь Машенька, а 28 июля 1939 года родилась вторая дочь – Рая.

В 1941г. началась Великая Отечественная война, а через год в аварии на теплотрассе АТЗ погиб Григорий Маркович, муж Оляны Даниловны и папа Машеньки и Раи. Оляна Даниловна воспитывала двух девочек как могла. В 1943 году, после освобождения Украины от врага, семью Колтунович пригласили приехать обратно, в село Гриновцы. Выделили им хату с престарелой бабкой, чтоб за ней ухаживать до смерти, тогда хата останется за ними, за семьёй Колтунович. Так они и жили – работали в колхозе, дети учились в школе, помогали по хозяйству у хаты и в колхозе. Оляна Даниловна замуж больше не вышла, воспитывала детей.

Маша, старшая дочь, окончила там 10 классов и с двоюродной сестрой Аней решила уехать в Березники. Их пригласили родственники понынчиться с детьми. Девушке помогли устроиться на Магниевый завод учеником лаборанта ЦЗЛ. Так с 26 июля 1956 года Мария и работала там до пенсии, но уже старшим лаборантом экспресс-лаборатории ЦЛК (центральной лаборатории комбината). На пенсию вышла по возрасту 30 апреля 1987 года.

Мария Коновалова – старший лаборант экспресс-лаборатории БТМК

За время работы на БТМК Мария неоднократно награждалась почётными грамотами и благодарностями с премиями, а в 1982 году была отмечена Почётной грамотой Министерства цветной металлургии СССР и ЦК профсоюза с премией. В 1969 году портрет Марии Григорьевны занесли на Аллею почёта с денежным вознаграждением. Неоднократно ей выплачивались премии за внедрение рацпредложений. Награждена медалью в честь 100-летия В.И.Ленина и имеет медаль «Ветерана труда». На производстве, в коллективе и в общественной жизни была всегда активной и уважаемой. Даже в своё время, когда это было модно и почётно, она добилась и получила «Золотой значок ГТО», а завоевать его было непросто, получали его лишь достойные люди.

Наше «знакомство»

Маша родилась в 1937 году на Ждановских полях. Где-то к концу лета этого же года её решили крестить в православной церкви. Поехали в посёлок Лёнва, но там в тот день службы не было, церковь была закрыта. Колтунович пришлось идти пешком в Дедюхино, ведь туда никакой транспорт не ходил. Надо было пройти по пустырю чуть больше километра, затем через весь посёлок, так как церковь находилась за ним, в районе кладбища.

После благополучного крещения дочери Машеньки родители отправились в обратный путь, домой. Но... ребёнок обсикался. Нести мокрое дитя в дальнюю дорогу родители, ясное дело, не решились. От церкви самая первая улица в посёлке наша – имени Братьев Собакиных. Колтунович постучались в первый двухэтажный дом, но им никто не открыл. Следующий дом –

маленькая избушка, и они решили его обойти. Постучали в следующий, третий дом под номером 41, где жила наша семья Коноваловых, в том числе и я, Витя. Их радушно приняли и помогли устроиться, чтобы перепеленать ребёнка на большой кровати, где я (а мне в то время было уже пять лет), говорят, крепко спал на другом её конце. Их дочь, уже в сухом одеянии, тоже уснула. А родители мои, в основном мама, и пришельцы с ребёнком после крещения из церкви по старым обычаям уселись за чаепитием и мирно побеседовали о житье-бытье и о том, как они сюда попали. Женщины-украинки по традиции носили большие цветастые головные платки, которые опускались с головы на спину, что и помогло, как оказалось, родителям через 20 лет вспомнить об их первом знакомстве.

Как уже рассказывал выше, Машеньку увезли из Березников на Украину в 1943 году, где она и окончила 10 классов, но потом вновь вернулась в наш город. Наверное, что-то её сюда тянуло. Помогли ей устроиться на Магниевого завод и с жильём в общежитии магниевики на улице Аксакова.

Так, может быть, и жила бы она здесь ещё, если бы не такой счастливый случай. А произошло это осенью 1957 года. Я, отслуживший в армии и работавший на АКЗ, был приглашён и дал согласие, как комсомолец, поехать на разработку целинных земель в Кокчетавскую область республики Казахстан. По решению Горкома комсомола мне поручили возглавить сводную бригаду (АКЗ и «Теплострой») в количестве 25 человек. В итоге я с порученной мне задачей справился, и с заслуженным значком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных земель» мы вернулись осенью домой, в Березники. За хорошие отзывы о работе на целине и благополучное возвращение завод решил нас, троих человек из бригады, в том числе меня, премировать путёвками в Дом отдыха «Огурдино».

*Мария и Виктор Коноваловы.
Июль 1958г., Украина*

Вот тут-то всё и произошло, так как в это же время туда приехала отдыхать от Магниевого завода Мария Колтунович. Получилось, что мы с

ней с самого начала пребывания в «Огурдино» познакомились, понравились друг другу и всё время в основном проводили вместе. С тех пор, а это было в октябре 1957г., мы с ней не расставались. А в декабре 1957 г. мы с ней в ЗАГСе закрепили нашу совместную жизнь и создали новую семью Коноваловых, семью крепкую, дружную, счастливую. Продолжительность нашей совместной жизни составила 50 лет. Но интересно то, что когда приехала на нашу свадьбу Машенькина мама, Оляна Даниловна, и они разговорились с моей мамой, Федосьей Андреевной, то вспомнили друг друга. Вспомнили, что на самом деле встречались в посёлке Дедюхино в конце лета 1937года, после крещения дочери. И моя мама вспомнила их именно потому, что они были в больших цветастых платках, опущенных на спины, с дочкой после крещения. Шутя, но говорили: «Видимо, судьба им, то есть нашим детям, встретиться через 20 лет (он её нашёл по запаху)».

Это, конечно, больше похоже на фантазию, но это факт, и то верно, что мы с Машенькой и крещены были в одной церкви, только в разное время, хотя жили в разных районах и далеко друг от друга.

Мария Григорьевна так и работала на Магниеком заводе, который стал именоваться Титано-магниеком комбинатом, а я работал на АКЗ, затем его переименовали в Химзавод.

Семья Коноваловых с дочерьми и зятьями

У нас с Машенькой родилось две дочери – Леночка и Галочка. Они обе получили высшее образование, вышли замуж и нам с Машенькой подарили одного внука и трёх внучек. Машенька души не чаяла во внучатах, и вообще – она, по-моему, их, внучат, любила больше, чем детей и даже меня (шучу, конечно). Но на самом деле Маша была исключительным человеком, как уже говорилось выше, она была очень уважительной, добросовестной и практичной как в работе, так и в общении. Она немало сделала хорошего для рабочего коллектива и комбината в целом. Это могут подтвердить многие, кто её знал и работал с ней: Нина Александровна Ширёва, Римма Ильиных, Неля Иванова и многие другие, но, к сожалению, большинства из них уже нет в живых.

Мария Григорьевна, даже будучи на пенсии, не могла сидеть без работы. Трудилась в саду (огороде), но ещё и устроилась дворником в детский сад №26, который тогда принадлежал БТМК, и отработала там пять лет. По состоянию здоровья ей пришлось рассчитаться. А 9 августа 2007 года в возрасте 70 лет её не стало.

Она очень любила землю, точнее, работать на земле, поэтому много занималась садом. У неё всё росло и поспевало, кажется, лучше, чем у других. Она любила ухаживать за цветами, радовалась приездам к нам в сад детей с внуками или просто гостей. Очень жаль, что ей не пришлось ещё повидать, полюбить, приласкать, как она это умела, ведь сейчас в нашей семье появились ещё семеро правнуков.

Мария Коновалова

О нашем батюшке, отце Павле, или как я стал нумизматом

Итак, начнём с дома, где когда-то, до 30 августа 1936 года, жил батюшка – отец Павел. При нём проживала монашка, как звали, не знаю, и сколько она при отце Павле жила, тоже не могу сказать. Но в 1937 году однажды ночью к ним приехал «чёрный воронок», забрали эту монашку, так и с концом. Никаких вестей ни от неё, ни о ней не поступало.

Похороны отца Павла, протоиерея дедюхинской церкви. 1936 г.

За отцом Павлом присматривала и, видимо, была у него домработницей пожилая женщина, как её настоящее имя, я не знал. И мы думали, что этот дом принадлежит отцу Павлу – Павлу Ильичу Попову, а «тётю» считали домработницей при нём. Но в наше время выяснилось, со слов Марии Степановны Ицексон (Ведерниковой), что отец Павел жил в этом доме простым квартирантом у «тёти» – хозяйки дома, Александры Якимовны Гребенчиковой. «Тётя» была очень добрая, вежливая, иногда приглашала нас, детей с улицы, к себе домой и угощала сладким чаем из самовара. Мы, конечно, были очень удивлены тем, что «тётя» нам наливала чай из самовара в чашки и просила пить, а мы, соответственно, выжидали, когда она нам даст хоть по кусочку сахара. Но ничего подобного. «Тётя» улыбалась и повторяла: «Ребята, вы пейте, пейте чай-то». Ну, делать нечего, не дождавшись сахара, начинали пить чай. И какое у нас было удивление, что чай, налитый при нас прямо из самовара, оказывался сладким? Мы от удивления чуть языки не проглотили, но всё-таки спросили у «тёти», в чём дело. «Почему у вас вода в самоваре сладкая»? Она, улыбаясь, ответила, что это отец Павел подсказал, из какого колодца надо воду брать, а его, видимо, сам Бог надоумил. Так угощала несколько раз, но позже взрослые натолкнули на мысль, что эту сладость называют «сахарин».

Отец Павел перед смертью наказал «тёте», чтобы она после его похорон раздала всем детям на нашей улице по серебряному полтиннику (50 копеек – прим.ред.), в котором содержится 9 граммов чистого серебра. И «тётя» его наказ выполнила. Я очень гордился и берёг этот полтинник, а к нему по возможности стал добавлять старинные и иностранные монеты. Очень увлёкся этим и впоследствии стал нумизматом.

Советский полтинник. 1925г

Батюшка – отец Павел, был не простым священником, а имел заслуженную должность – сан протоиерея. Умер протоиерей Павел 26 августа 1936 года, был похоронен в ограде при дедюхинской церкви. Всех остальных, как обычно, хоронили на территории кладбища. Александра Гребенщикова – «тётя» – перед смертью (опять со слов Марии Ицексон) «престарелая хозяйка переписала дом Трусовым».

Жильцы в домах Трусовых и Ярыгиных

После кончины Отца Павла и «тёти» в доме поселился сын Пелагеи Семёновны Трусовой – Павел Андреевич с женой Ираидой и детьми Германом, Надеждой и Ангелиной. Павел Андреевич в то время служил в церкви. Могу ошибиться, но он, скорее всего, был или помощником дьякона, или дьяконом.

В начале ВОВ Павла Андреевича забрали на фронт, а жена Ираида с детьми жили в этом доме до 1945 года. После окончания войны Паша вернулся домой, к семье. Но ввиду нестандартных обстоятельств, как в этой жизни бывает при длительной разлуке с мужем и жизненных неурядицах в трудные, голодные военные годы, Павел Андреевич обратился к «владыке» с просьбой

о переводе. Павла Трусова, как дьякона, направили служить в Лысьву, куда они всей семьёй и переехали.

Некоторое время дом пустовал, но у Пелагеи Семёновны в это время жил сын Саша и его однополчанин Иван Леонтьев. Ему после фронта, видимо, возвращаться было некуда, и друзья приехали в Дедюхино, в родные места Трусова. Иван Леонтьев был классным фотографом и устроился по этой специальности на Содовый завод. Нашёл себе девушку нашу, дедюхинскую Софью Ивановну Дубровину, работавшую медсестрой в местной больнице. Саша Трусов тоже задумал жениться. Тогда Пелагея Семёновна решила Ивана с женой Софьей поселить в свободный дом, где когда-то жил отец Павел. Сколько тут прожили Леонтьевы и куда переехали, я не помню.

Впоследствии в этом доме проживала семья Окуловых: Дмитрий с женой Верой и маленький ребёнок, с которым водилась няня – девушка не из нашего посёлка. Дмитрий трудился в гараже Содового завода и часто меня подвозил до места своей работы на мотоцикле. Я в то время учился в РУ-5, и это было большим подспорьем, ведь к нам, в Дедюхино никакой транспорт, особенно пассажирский, не ходил. Путь от дома до училища неблизкий, в пределах 8–8,5 км, поэтому половину пути прокатиться с ветерком, да ещё «на халяву» для меня, ремесленника, было просто удачей. О хозяйке Вере ничего не знаю. Больше в этом доме никто не поселился, так как началось переселение, а вот куда и кто перевёз этот дом, мне неизвестно.

Следующий дом на нашей улице, где жили квартиранты, – это двухэтажный дом Ярыгиных. Хозяйкой дома в то время была Нина Гавриловна Ярыгина. Семья Ярыгиных проживала на втором этаже, а первый сдавали в аренду квартирантам. В моей памяти сохранилось то, что во время войны у Ярыгиных квартировалась семья Зрячих: глава семьи Алексей, его жена Миля и дети – Рита, Лёва и Аля. В конце войны Зрячих купили свой дом на односторонке за нашим домом, около коллективных огородов. Это тоже считалось улицей Братьев Собакиных. До Зрячих тут проживали вдовец Краев с дочерью Зиной.

После семьи Зрячих в доме Ярыгиных на квартире жили Пономарёвы: глава семьи Илья, его жена Галина и дочь Эмма. Илья помогал Ярыгиным, особенно Нине Гавриловне как хозяйке, которая содержала корову, – сенокос, заготовка дров и другие дела.

Примерно в 1951 году Пономарёвы выехали, а вместо них заселились Якушевы – Дмитрий Матвеевич и жена Екатерина Николаевна. Они тоже прожили недолго, около года.

После Якушевых квартирантами стали супруги Сидоровы. Вскоре к ним прибыл их сын Яков. Якобы демобилизовался из армии. Вскоре Яков и Нина Гавриловна решили объединиться в одну семью. А тут подоспело переселение Дедюхино в связи с пуском КамГЭС. Так что Яша Сидоров и, конечно, его родители, перевезли дом в посёлок Сёмино, где жили и растили детей.

Послесловие

Хочу напомнить слова наших дедов и прадедов, что все люди являются хоть и дальними, но родственниками друг другу. Так вот и наши квартиранты тоже оказались родственниками нашей землячки Нины Александровны Ширёвой (Лапаевой). В частности, Алексей Зрячих доводится двоюродным братом мамы Нины Ширёвой. Екатерина Якушева – родная сестра Анатолия Ширёва, мужа Нины.

Опасные случаи в моей жизни

Я дедюхинский парень, «майор» – такое у нас было прозвище в посёлке, и крестили меня также в дедюхинской церкви, в которой ежегодно 2 августа отмечали церковный престольный праздник – Ильин день. Это было большим событием для посёлка, так как в этот день около церкви всегда справлялась огромная ярмарка (нам в то время так казалось), где сходились и съезжались со всех близлежащих поселений люди и торговали на улице всевозможными дарами природы и самодельными товарами, очень необходимыми в сельском хозяйстве.

Крестил меня в то время протоиерей отец Павел, который, кстати, и жил с нами на одной улице (наискосок от нашего дома), и нарёк меня в честь святого Виктора Победителя – Виктором. Я и сейчас отмечаю свой День Ангела 1 мая согласно православному писанию.

Возможно, в связи с вышеизложенным я продолжаю верить во вселенские законы, помощь Всевышнего и очень верю в Ангела-хранителя. Дело в том, что в моей жизни, а мне на сегодня уже восемьдесят восьмой год, было порядочно случаев, при которых благодаря упомянутому выше или ещё

какому чуду я был спасён, или избежал летального исхода, или не остался очень серьёзным калекой на всю оставшуюся жизнь.

Все случаи я описывать не буду, не хочется об этом вновь вспоминать.

А о некоторых расскажу, может, мои ошибки кому-нибудь и помогут, чтоб не повторить подобное.

Это было в молодости и, конечно, в Дедюхино. Мне тогда было лет 14–15. Мой папа работал на Сользаводе начальником пожарно-сторожевой охраны посёлков Дедюхино и Лёнвы. Хороших коней после ВОВ поблизости, конечно, не было, и отец привёз молодого коня из Монголии. Конь был ещё молодой и полудикий, видимо, из табуна, росшего на воле. Жеребца этого прозвали Серко, очень красивый, белого окраса, и очень резвый, ему было трудно спокойно стоять. И вот мне захотелось на нём прокатиться верхом. Я упрямил отца покататься на Серко якобы с целью промять, выгулять и для разминки, мне разрешили.

Я вскочил на него верхом и решил покататься, как обычно, но Серко, видимо, понял, что наездник не ас, хотя вначале вёл себя вполне прилично. Мы покатались минут 15–20, и тут, наверно, Серко решил, что хватит со мной баловаться, а я не смог сразу отреагировать на его намерения. Мы проезжали недалеко от Пожаркома, а ворота туда были открыты. До Пожаркома было около 40–50 метров, и мой Серко резко повернул направо и галопом ринулся в ворота. Я старался уздой выправить коня и заставить его гнать прямо туда, куда надо мне, но он хоть и держал голову налево, но помчался прямо в Пожарком.

Вот тут сыграли роль доли секунды, как я успел наклониться к Серко на гриву, и проскочив в ворота, мне только загривок по спине крепко царапнуло верхним косяком ворот, как мы оказались в Пожаркоме. Опоздай я на мгновение наклониться на гриву Серко, наверняка мне бы сорвало голову и сбросило бы меня от сумасшедшего удара.

Итог – я не учёл, что Серко ещё не приучен ко всем всадникам, тут надо было быть всегда, в любую минуту начеку, необходимо было держаться в седле более уверенно и закрыть ворота в Пожарком, тогда бы могло не случиться того, что произошло. Честно говоря, я больше опасался, что он постарается меня сбросить, как это обычно бывает у молодых коней, а он решил от меня избавиться иным способом. Ангел-хранитель на этот раз меня спас, сохранил.

Группа выпускников РУ-5, 1951 г. Блондинка в центре – мастер Антонина Петровна Сорокалетова (Купенко)

Другой случай. И надо же было такому случиться, что через четыре года, а точнее – в конце 1951 года я опять оказался в очень опасной и серьёзной ситуации, и что очень интересно – это опять было связано с моим «любимым» конём Серко!

Чтоб было понятнее, начну всё с самого начала. После окончания семилетки и ремесленного училища № 5 меня отправили работать на Анилинокрасочный завод, в самый вредный и опасный цех №2 – пикрин. Итак, я работал на АКЗ, а жил в Дедюхино. Это если идти напрямую от дома до завода, то необходимо преодолеть 10–12 км. Этот путь никто не мерил, а он рассчитан по времени. Ведь не секрет, что нормальный человек проходит за час походным шагом 5км, а у меня уходило времени на дорогу от дома до завода – около двух часов.

Правда, однажды, а это было в самом начале моей трудовой деятельности, я преодолел это расстояние – от завода до дома, от дома до завода – примерно за два часа!

А получилось это так: в свой выходной плюс какой-то был праздник, когда мы с ребятами решили сходить в театр ДК им. Ленина. После театра я не поехал домой, в Дедюхино, а переночевал у тёти Нюры, маминой сестры, которая жила в городе Березники, недалеко от дворца. А утром следующего

дня мне надо было к семи утра на работу. Приехал на завод и только у проходной хватился, что у меня с собой нет пропуска. Если я – молодой рабочий, то знаю, что нужно быть дисциплинированным, поэтому решил сбегать домой за пропуском. Всю дорогу до дома я бежал бегом, дома быстренько переоделся, так как был весь потный (хотя время было зимнее), взял свой пропуск и вновь бегом обратно, на работу. Я успел переодеться в спецовку, до девяти часов уже был в цехе, так сказать, на рабочем месте. Отпустил аппаратчика, которого должен был сменить в семь часов. Но зато когда к девяти часам пришла администрация цеха, я уже был, как и вся смена, в полной боевой готовности. Конечно, начальник смены меня отругал за то, что я не позвонил ему с проходной, чтобы меня пропустили под его ответственность без пропуска, и не надо было бы бегать домой. Это стало для меня хорошим уроком на будущее.

Итак, мы отвлеклись от начатого рассказа. Я работал в цехе №2 – пикрине. Конец 1951 года, на улице стоял трескучий мороз, а цех был остановлен, так как заморозили линию нитросмеси, что качали из 3-го цеха к нам по эстакаде, это более 600 метров труб. Нас послали отпаривать линию. Спецовка хоть и суконная, но не шуба, да и на ногах резиновые сапоги. Линию нитросмеси мы отпарили, но замёрзли капитально, и я заболел ангиной. После болезни я отработал несколько смен, и вновь аварийная ситуация – застыла линия, по которой по улице под давлением сжатого воздуха передавливали ДНХБ (динитрохлорбензол). Нас вновь посылают отпаривать эту линию – это 300–400 метров по эстакаде до ёмкости около железнодорожных путей. И снова на морозе в суконной спецовке и резиновых сапогах, а мороз под -30! В итоге я с трудом доработал смену, в Дедюхино не было возможности добраться, я вновь с работы приехал к тётё Нюре в Березники. И всё! У меня начали опухать суставы, появились сумасшедшие боли и температура под +40 и выше. Я еле пережил ночь, а на утро тётушка вызвала врача на дом. Поставили диагноз – острая атака ревматизма и строгий постельный режим – и прописали всё, что к этому положено по медицине. Но вопрос упёрся в то, что меня необходимо срочно госпитализировать, а в городе я не прописан, значит, необходимо немедленно везти в посёлок Дедюхино, к месту прописки. Машин «скорой помощи» по перевозке больных вроде меня не было, да и кому это было нужно? Поэтому тётя Нюра связалась с моими родителями, и папа решил меня доставить на пожарной лошади из города в дедюхинскую больницу. Отец всё предусмотрел: хорошо усадил меня в кошёвку (лёгкие сани для выезда – прим.ред.), тело укутал, и мы отправились в Дедюхино. Он приехал на моём «любимом» коне Серко. Вначале всё шло благополучно, выехали из

города, проехали по Чуртанскому шоссе до железнодорожного переезда пути до Соликамска. Чтобы сэкономить время и не ехать через промплощадку, мы поехали по дороге, которая шла параллельно железной дороге Березники – Соликамск примерно с километр, затем пересекала железнодорожный путь и шла до Содового завода.

Когда мы ехали по этой дороге, нас начал догонять паровоз. Машинист, соответственно, зная этот путь, решил предупредить нас и дал сигнал, чтоб мы остановились, но Серко, как я уже ранее описывал, был очень дерзкий и, конечно, совсем не знакомый с таким чудом, которое его догоняло. Он не обращал внимания на то, что отец, даже упираясь ногами, тянул вожжи на себя, чтоб конь остановился или сошёл с дороги в снег, но всё было бесполезно, мы некоторое время мчались почти рядом. Переезд через железнодорожный путь уже был близок, а это значит, мы как раз попадали под паровоз. Но тут, видимо, сработала смекалка машиниста поезда – он мгновенно решил, что тормоз не поможет, и дал полную нагрузку на ускорение движения поезда, и это нас спасло. Буквально доли секунд, и поезд успел преградить нашему коню дорогу через переезд, они чуть не стукнулись, как говорится, лбами, и здесь наш Серко резко отскочил в сторону, в снег. Поезд промчался мимо, а мы долго не могли прийти в себя, благодарили Бога и Ангела-хранителя, что случайно нам повезло остаться живыми и даже невредимыми. Конечно, стресс был огромный.

Здесь я даже не знаю, какой дать полезный совет, наверное, лучше было бы ехать через промплощадку, но там тоже по курсу несколько железнодорожных путей и переездов через них.

Но мы, слава Богу, дальше благополучно добрались до Дедюхино, папа сдал меня в местную больницу, где я продолжал лечение.

Это была первая и очень сильная атака ревматизма – при постоянной температуре +40 и выше опухали все суставы, трудно было двигать даже челюстями, это очень серьёзно. Всего перенёс три серьёзных атаки ревматизма, одну, кстати, во время службы в Германии, где лежал в бывшем гитлеровском госпитале в Потсдаме.

Верный конь

Давайте, дорогие читатели, на время отвлечёмся от опасных случаев в жизни, а я расскажу вам о паре эпизодов про коней, так как я с детства был очень увлечён лошадами. Этот случай произошёл, конечно, не со мной, а с моим папой. Мой отец, можно сказать, старый, опытный наездник, потому что практически всю жизнь работал с лошадьми и частенько на обед ездил

домой верхом на коне. На этот раз он был по кличке Удалко. Это был конь немолодой, относительно спокойный, но, видимо, и у лошадей бывают свои выпадать подураться. Был жаркий день, а папе нужно было проехать некоторое расстояние по мелководью. Представьте себе, что Удалко, наверное, захотелось немного освежиться, и он на ходу, прямо с папой падает в воду. Отца спасло то, что он вовремя выдернул ногу из стремени, а то вполне мог бы быть перелом ноги, так как конь улёгся на бок. Всё обошлось благополучно, видимо, они оба были опытными.

И ещё один случай из жизни отца. В Пожаркоме содержался в то время старый конь по кличке Цыган. Прозвали его так, потому что его окрас был чисто чёрного цвета, аж отблескивал. Ему было уже 33 года, а обычный век коней не более 30 лет. Папа жалел Цыгана и не желал сдавать его на убой, хотя он уже на пожары не выезжал (задышался при быстром беге). Был очень крупный и красивый, хоть на выставку выставляй. А использовали его только чтобы съездить на речку за водой для заполнения бочек на транспорте, готовом выехать на пожар. И вот однажды приехал какой-то цыганский барон с табором и уломал моего отца поменять коней. Барон отдаёт в Пожарком своего коня, пожарного коня Цыгана забирает себе.

Табор уехал за Каму, в Берёзовку. На ночь коня Цыгана крепко привязали к стойлу, так как побоялись отпустить его со своими лошадьми пастись в лога. А наш Цыган, проживший 33 года в Пожаркоме, не захотел мириться, что его оторвали от родного гнезда, на удивление всем пережевал верёвки, которыми был привязан, и ночью в темноте отправился к себе домой. Переплыл Каму, а тогда в Каме было очень сильное течение, но он справился со всем, пришёл к Пожаркому и сдох у самых его ворот. Вот это говорит о сильной преданности коней, в частности, нашего Цыгана. Все очень переживали, особенно мой отец не мог себе простить, что так поступил с верным ему конём, с которым проработал 33 года.

В кузове гружёной машины

Итак, вернёмся к опасным случаям в жизни. Это произошло в Дедюхино в 1952 году, во время переселения посёлка в связи с затоплением при пуске КамГЭС. Свой дом № 41 на улице Братьев Собакиных продали, а купили другой дом на улице Коммуны, более объёмный и прочный. Нужно было этот дом перевезти в посёлок Абрамово, на улицу Уральскую. Перед разборкой дома сделали разметку брёвен дома (номер и сторона света), чтобы было легче собрать на новом месте.

Для перевозки дома я выписал на заводе лесовоз на выходной день. Машина была новая, ещё в хорошем состоянии, и водитель отличный, такой здоровяк по имени Юра (фамилию уже не помню). Мы с ним договорились по-дружески, чтоб сделать больше рейсов, и он согласился. Договорились с рабочей силой, чтоб быстрее загрузить машину в Дедюхино и аккуратно и быстро разгрузить в Абрамово, людей подобрали надёжных. Нагрузили машину под завязку, как говорится, закрепили, как следует, чтоб было надёжно в дороге. И по русскому обычаю наскоро сели за стол и приняли с устатку и за удачу «на грудь», выпили и закусили, даже водитель не отстал от нас. В то время гаишники особо не показывались, поэтому Юра не боялся выпить.

Благословясь, поехали в Абрамово. Двое грузчиков уселись в кабину водителя, а я, будучи моложе и здоровее, полез наверх, на брёвна, благо, погода позволяла, было тепло и сухо. Проехали через мост реки Канавы и выехали на Гавань (так назывался у нас, в Дедюхино, берег вдоль реки Канавы, пересекавшей добрую половину посёлка). Хочу сказать, что эта Гавань – высокий берег реки и очень хорошо высыпан золой, отходами от топок Солеваренного завода. И вся Гавань, имеется в виду дорога, в 100 раз лучше, ровнее и чище, чем теперешние дороги нашего города. Итак, выехав на Гавань водитель, любуясь ровной чистой дорогой, дал по газам. Я точно не могу сказать, с какой скоростью мы ехали по Гавани, во всяком случае, не менее 80 км/ч. Хочу сразу сказать, что Гавань – это берег древний, и здесь у реки стояли вековые тополя с шикарными кронами, толстые длинные ответвления которых перекрывали добрую половину дороги на определённой высоте.

Как уже сказал выше, мы нагрузили машину брёвнами очень весомо. Поэтому и высота груза оказалась приличной, а также я напомним, что поехал не в кабине водителя, а наверху, на брёвнах машины. Надеюсь, вы представляете, что могло произойти в данном случае – я на высоте, можно сказать, выше положенной, мчусь на большой скорости машины навстречу огромным, в толщину около бревна, ветвям, перегораживающим мне путь. В этом случае я уверен, что мне помог, подсказал об опасности мой Ангел-хранитель. Меня как-то мгновенно осенило, что это смертельная опасность. Кричать было бесполезно, так как шум мотора и даже резкий тормоз не смогли бы мне помочь, опасность была очень близко.

В этом случае мне ещё помогла моя быстрая реакция – перевернуться на левую сторону к стойке и, лёжа, прижаться к брёвнам. Когда мы проехали опасную зону, я попросил остановить машину, слез с брёвен, подошёл к водителю и, конечно, хотя был изрядно меньше его по габаритам, но тут

появилось желание крепко намять ему бока. Ребята удержали от дурного поступка, а водитель понял, что ему надо было держаться левее от деревьев и ехать помедленнее. Но, слава Богу, что в тот момент всё обошлось. Пожелание: в подобных случаях нельзя принимать алкогольные напитки, особенно водителю. И нив коем случае не ехать наверху гружёной машины.

Случай на море

После женитьбы и рождения детей захотелось съездить на море. Я,

Мария Коновалова с дочерьми на пляже. Крым, 1967 г

дедюхинский парень, привык быть около воды, тем более что умел хорошо плавать и нырять. В Дедюхино, особенно на наших улицах, мы были более месяца весной вкруговую залиты водой – разливом Камы. Поэтому мы с детства там были готовы пользоваться лодкой и при необходимости действовать вплавь. К этому нас приучали с малолетства, и мы старались быть готовыми ко всем неожиданностям. А живя в городе – до Чашкинского озера далеко, а пруды, что Первый, что Второй, мне казались совсем не такими, как хотелось бы, да и чистота воды отнюдь не та, к чему мы привыкли. Поэтому тянуло к морю, к свободе, плаванию.

В 1967 году мы с женой Машенькой и двумя дочерьми Леной и Галей поехали первый раз отдыхать на море, не то в Ялту, не то в Евпаторию, после этого часто ездили отдыхать на море. Тут со мной и случился казус – не дай Бог никому.

Мы прекрасно устроились с бытом: Машенька отдыхала по путёвке в санатории, а мы жили на частной жилплощади, отдыхали недалеко от моря. С нами была ещё моя тётя как нянька при детях.

Устроились хорошо, жили весело и очень удобно. Я старался с утра занять лежаки, на всех отдыхающих и желающих их не хватало. После завтрака все собирались на берегу моря, загорали, играли и, конечно, купались в море. Всё было отлично. Но в один прекрасный день я решил на море заплыть подальше, и тут случилось что-то невероятное! Возможно, мы прослушали, а возможно, когда предупреждали о шторме, я уже был в море, не знаю, но... Я заплыл далеко от берега, и вдруг появился сильный ветер и поднялись такие волны на море, что я практически ничего не видел впереди – ни берега, ни светлого неба. Пришлось приложить все навыки

плавания и всю силу, чтоб как-то приблизиться к берегу. Но выяснилось, что я совсем никудышный пловец и борец с морской стихией.

Иногда казалось, что я уже не так далеко от берега, но меня тут же сильной волной опять отбрасывало в море. Трудно сказать, сколько времени я провоевал с морской стихией, но уже выбивался из сил, а до берега доплыть сильные волны не давали. И тут в моих мозгах промелькнула мысль, что надо глубже нырнуть и если я достигну дна, то смогу пробежать под волнами ближе к берегу. Кстати сказать, я очень любил нырять и двигаться по дну чем дальше, тем лучше, когда купались на Чашкинском озере, когда жилив Дедюхино. Даже однажды вылавливал утопшего.

На Чашкинском озере

Это было во время страды-сенокоса, наверное, в 1951/1952 году. Мы вернулись с сенокоса уже под вечер, перекусили, и я, как это бывало в молодости, решил прокатиться на велосипеде. А тут бегут люди с ворги (от Чашкинского озера) и кричат: «Васька, Васька утонул на Чашкинском озере». Я решил съездить туда и увидел на берегу народ – похоже, не было желающих рискнуть поискать утопленника на дне озера. А я, уставший после сенокоса и чуть выпивший, решился.

Утопающего заметили, когда он исчез из вида, люди, работавшие на сенокосе близ озера, но при попытке спасти его никому не удалось. Мне подсказали, где он был виден в последнее мгновение. И я решился испытать себя и помочь найти утопшего. Тем более, как мне объяснили, он мой земляк с соседней улицы Озёрной. Сейчас уже не помню, как его фамилия – по моему, Вася Пономарёв, но точно знаю, что ещё не был женат. После неоднократного ныряния (кстати сказать, я неплохо ориентировался и видел под водой) я наконец заметил на дне слабое оранжевое пятно, а дело было уже при закате солнца. Я подплыл, это был он, схватил его за руку (от страха, наверное) и, сколько хватало сил, пытался как можно быстрее вынырнуть с телом на воздух. Подтянул его к берегу и только тогда почувствовал какую-то жуть или испуг, уже и не помню. А там, на берегу уже была уйма народа и даже медики, но никто не пытался мне помочь. Ну, а утопшему, к сожалению, уже ничто и никто помочь не мог.

На море. Продолжение

Это я решил рассказать, чтоб подтвердить, что я всё же неплохо плавал, очень профессионально нырял и умел действовать под водой.

Итак, я решил спастись от гибели в пучине моря своей практикой по нырянию под водой, что в итоге и помогло. В результате я добрался до берега, хотя стихия так и не утихла. Когда я оказался на суше, я очень скверно себя чувствовал, но слышал только плач моих детей и истерический крик жены.

Я прилично пролежал на берегу, приводя себя в форму, и дико беспокоился о том, что мог оставить молодую жену вдовой, а дорогих дочерей сиротами.

Было это очень обидно, серьёзно и весьма загадочно – почему на этот момент не оказалось поблизости спасателей, которые, как я знаю, всегда дежурят на пляжах, где обычно отдыхает большое количество людей? Это серьёзный вопрос, но нам в этом разбираться в то время было просто некогда. А желающих меня спасти, помочь в этой морской стихии среди отдыхающих не нашлось.

Я благодарен нашему учителю из ДОСААФ. Перед армией, в 1950 году, нас обязывали обучаться в этой организации, где преподавал мой земляк Николай Ярыгин – бывший фронтовой моряк (на фото справа). Он учил нас пользоваться шлюпкой, плавать, нырять, ориентироваться в воде, лазить по канату, работать с азбукой Морзе. А вот как бороться со стихией моря – это мне пришлось познавать своим умом. А главное – надо иметь ввиду, что при больших волнах, особенно морских, солёных, тяжёлых, не нужно брать их силой, нахрапом. Нужно ухитриться избегать их, поэтому при приближении большой волны следует нырнуть под неё, этим самым ты избежишь её удара и отброса с силой дальше от берега, а также всего того, что может после этого произойти.

На этом заканчиваю своё повествование и желаю всем не попадаться в подобные опасные случаи, а быть осмотрительными и внимательными во всех действиях по жизни.

Учитель Александр Андреевич Трусов

С Трусовыми в Дедюхино мы жили по соседству. Маму и хозяйку дома звали Пелагея Семёновна, мужа у неё не было на моей памяти. О старших братьях я уже вспоминал, с третьим братом, Александром, до войны мы не стыковались. То он где-то учился на преподавателя, а тут Великая Отечественная война, все Трусовы воевали. После Победы, в конце 1945

года, Саша вернулся домой с другом-однополчанином Иваном Леонтьевым. Они стали жить в родительском доме вместе с Пелагеей Семёновной. Жили дружно, в первое время особенно часто собирались сослуживцы-однополчане. Они вели себя очень сдержанно, не слышал ни одного скандала, по сравнению с нынешними встречами молодёжи. Вот такой случай рассказывала нам Пелагея Семёновна.

«В сенях у нас стояла большая плетёная ваза со свежими яйцами. Ребята, бывшие фронтовики, собрались большой компанией в нашем доме. Как бывало на фронте, приняли на грудь по стопке-другой. А чем закусить? Эти шутники что удумали – они решили воспользоваться свежими яйцами, но с хитрецей. Аккуратно прокалывали яйцо с двух сторон, высасывали содержимое, а пустые яичные скорлупки сложили в пустую вазу и поставили её на прежнее место».

Первое время Пелагея Семёновна долго удивлялась и переживала: что за зверь появился и высосал все яйца? Она ещё такого чуда не знала. Когда Саша с Иваном её признались, все вместе долго смеялись. Хозяйка и соседям рассказала об этом чудачестве.

В дальнейшем друзья устроились на работу: Александр Андреевич в нашу школу-семилетку учителем математики, а однополчанин стал работать фотографом на Содовом заводе. Как и положено молодым мужчинам, прошедшим фронтовые невзгоды, мои соседи нашли себе подруг и поженились. Саша взял в жёны Зою Валентиновну Шумилу, а Иван – Софью Ивановну Дубровину.

Александр Андреевич (на фото) ничем не выделялся среди других соседей-мужчин, занимался домашним хозяйством, огородом, и это кроме основной работы в школе. Весной также, как и мы, ездил вверх по Каме, плотил плывущий лес и сплавлял его к дому. Как все, готовил дрова на зиму. В школе преподавал математику, при этом вёл себя очень культурно и никогда не повышал голос. Учитель всегда старался растолковать нам непонятые моменты в решении задач и трудных примеров по алгебре.

Лично я иногда даже в выходные при сложных ситуациях приходил к ним домой, и Александр Андреевич никогда не отказывал в помощи. Он

уделял своё свободное время, объяснял, как лучше разобраться с непонятной задачей, теоремой или примером. Одним словом, это был настоящий преподаватель, которому я очень благодарен. После окончания семилетки я был силён в математике, что пригодилось в дальнейшем. Так с 1949 по 1951 год я учился в ремесленном училище № 5 и всегда только на «отлично».

Затем, в 1960 году, я поступил в восьмой класс вечерней школы, где в то время математику преподавал Николай Николаевич Привалов. Он наш, дедюхинский, когда я учился в школе, преподавал здесь физкультуру. Николай Николаевич прекрасно знал меня и мои способности в математике, иногда поручал вести урок в классе. Приходилось решать на доске сложный пример по алгебре с полным разъяснением, и потом одноклассники признавались, что понимают меня лучше учителя.

Ещё один пример. При поступлении в строительный техникум на вечернее отделение в 1965 году на вступительных экзаменах мне пришлось даже поспорить с преподавателем Надеждой Александровной Зрячих. Я решил трудный пример по алгебре в одном из вопросов по билету, показал результат экзаменатору, которая сказала, что ответ неверный. Я не согласился: «Мой ответ верный, а в вашем талмуде – неверное значение ответа». Зрячих сама перерешала пример, и мой ответ оказался правильным. Все эти случаи говорят о том, что Александр Андреевич учил нас математике по-настоящему, до сих пор за это ему благодарен. Хорошие знания математики здорово помогают в жизни.

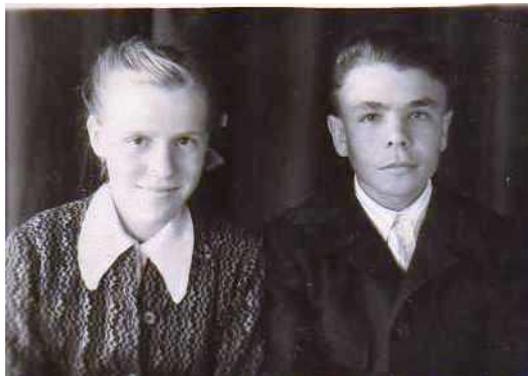
После окончания семилетки и переезда из Дедюхино мне не приходилось сталкиваться с Трусowymi. Они жили в Сёмино, а мы в Абрамово. Знаю, что у них родились и выросли три замечательных сына: Николай, Леонид и Павел.

Зимними вечерами

По соседству с нами на улице Братьев Собакиных проживала семья Трусowych. С детьми дьякона Павла Андреевича Трусова я дружил. Во время войны хозяина призвали в армию, мать семейства пропадала на работе. Мы, ребята 10–12 лет, бывало, наберём картошки, напечём на буржуйке, посолим и о чём-нибудь разговариваем. Трусовы жили в это время в доме священника отца Павла, напротив своей бабушки Пелагеи Семёновны. Дети Трусowych часто оставались одни, так мы и коротали долгие зимние вечера.

После окончания войны и возвращения Павла Андреевича вся его семья переехала жить в город Лысьву.

О моём брате и его друге

Мой старший брат Валентин (на фото справа с Таней из Усолья), 1929 г.р., сколько я его помню, с детско-юношеских лет был очень увлечён священнослужением. Очень любил ходить в церковь и выстоять всю службу. Вот, например, в пасхальную ночь мог с вечера и до конца службы выстоять перед образами в церкви, молиться и, в отличие

от меня, даже не присесть и не вздремнуть.

Хорошо помню такой эпизод. Это было в начале войны, наверное, в 1942 году. Валентин нашёл на территории кладбища укромное, интересное местечко. Оно было закрыто от посторонних глаз мелколесьем. Имело форму, похожую на окружность, в диаметре примерно 3–3,5 метра и почему-то было ниже общей поверхности сантиметров на 30.

Что тут было раньше, мы, конечно, не знали и не пытались расспрашивать, так как это место считали «нашим» и не хотели, чтобы кто-то ещё сюда ходил.

Так вот, Валентин увлекал нас, пацанов и девчат с родной улицы, и под «большим секретом» мы приходили на эту площадку.

Валентин, собрав нас, начинал что-то типа церковной службы, а сам вёл себя в это время как священник. Перед ним стояла иконка, не помню, кто конкретно был на ней изображён. Брат зажигал свечку перед иконой и читал молитвы. Сам молился и нас приучал это делать. Причём говорил, что если у нас имеются копейки, класть их в стоящее блюдечко.

Он эти монетки собирал и на них покупал свечки в церкви для нашего богослужения. Это происходило несколько раз за лето.

Затем брат стал посещать службы в самой церкви. Служители храма его заметили и стали привлекать помогать им и священнику. Так Валентин втянулся в это занятие. Бросил школу, стал регулярно ходить в церковь и уже постоянно прислуживал батюшке.

Неоднократно с ним беседовали родители, что это, мол, неверный путь, что надо сначала окончить школу, тогда это было семь классов. И преподаватели приходили с ним беседовать, но он стоял на своём и продолжал ходить на службу в церковь, даже не окончив пяти классов. Тогда

директор школы Александр Андреевич Макаров сказал: «Валентин Коновалов окончил курс своей науки и пошёл в пономари».

В то время Валя уже несколько лет дружил с Витей Титовым. Они, по моему, ровесники. Так вот, видимо, друзья решили и в храме вместе служить. Только Валентин прислуживал обычно днём, помогал батюшке, а Витя устроился работать в церкви сторожем.

В то время церковь содержала двоих сторожей – кроме Вити Титова, там ещё сторожем была женщина, правда, в годах. Так они вдвоём продежурили года три, но тут к ним примкнула одна прихожанка, которая обычно курсировала по разным местам и даже городам, и всё по церквям так и обитала. Рассказывала, что в неё «нехорошие люди» вселили икотку, которая всё видит, всё про них знает и якобы это всё передает своей хозяйке. Она являлась как бы ясновидящей. Эту прихожанку так и звали – «Икотка». Она и разоблачила сторожиху церкви, сказав, что та занимается интимным делом прямо в храме, и пожаловалась батюшке-настоятелю. Сторожиху эту уволили, а Витя Титов остался один. Первое время мы с Валентином ему помогали. Я с ним дежурил несколько раз.

Когда я уходил на дежурство в церковь в помощь Вите Титову, то всегда брал с собой мелкокалиберную винтовку. Папа разрешал, ведь я хорошо из неё попадал в цель, поэтому и в армии за три года получил три значка «Отличный стрелок».

Обычно я предупреждал Витю Титова быть внимательным, особенно вечером. И если я приходил к нему на дежурство, то обязательно перед сном с винтовкой на изготовку обходил вокруг церкви, чтобы дать понять тем, кто готовится к грабежу, что мы вооружены. Конечно, сейчас это выглядит смешно, но тогда нам, юнцам, это казалось вполне серьёзным. И спать ночью (мы хоть и считались сторожами, но всё равно ночью, пусть и чутко, но пытались вздремнуть и даже поспать). Вите Титову я предложил лечь отдыхать на ночь не в сторожке, как положено, а на клиросе (место в православном храме, где при богослужении находятся певчие и чтецы – прим.ред.), в самой церкви. Это место находится на высоте, с него видно всё пространство церкви и вход в алтарь. Но Бог миловал, и мои услуги Вите Титову негодились.

Судьба друзей

В дальнейшем мы как-то с Витей больше не сталкивались. Я учился в ремесленном училище №5 и жил в городе, в общежитии. Домой, в Дедюхино, приезжал только на выходные, поэтому мало что помнится из того времени о жизни в посёлке. Позже с Витей Титовым мы встречались уже в Березниках.

Как-то они с Валентином приходили ко мне в 1965 году. Ещё раз Витя зашёл к нам в Святки маскированным примерно через год-полтора. Я как-то к ним заходил в 1968 году, после этого мы не встречались. Я только слышал, что его жена, немка по национальности, уговорила мужа уехать не то в Германию, не то в Израиль. И больше я о нём ничего не знаю.

А брат Валентин всё же решился, как говорится, выйти «в свет». Его дядя Яша Ошмарин договорился и устроил его учеником токаря на АТЗ. Но Валентин не проучился и трёх месяцев – его забрали в армию. Это было в 1950 году. Он попал в войска авиации и прослужил четыре с лишним года.

После армии Валентин поступил на работу на Титано-магниевого завода электриком, где проработал до дня своей смерти – 4 апреля 1983 года.

Из воспоминаний давно минувших дней.

Первый случай

Это было осенью 1950 года, картошку уже выкопали, шли дожди. Я возвращался вечером с учёбы в РУ № 5 домой. Перед посёлком Дедюхино были уже свободные раскопки после уборки картошки. На дворе стояла пятница, впереди – выходные дни. Было ещё не очень темно, и я увидел, что в грязи, на раскопках лежит мужчина средних лет. Я подошёл к нему и попытался его разбудить, но он оказался очень пьяным. Но я всё-таки его поднял и, перебросив его руку через свою шею, попытался вывести из огорода на твёрдую тропу. С трудом, но мне это удалось. Я спросил, где он живёт и сможет ли помочь мне найти его дом, он дал согласие, правда, с большим трудом, но мы всё же добрались до его дома. Я, конечно, сейчас не помню ни адреса, куда его привёл, ни фамилии, ни имени, ни самого мужчины, но постарался передать его в надёжные руки супруги. Она меня поблагодарила, и я пошёл к себе домой. Конечно, я весь извозился, особенно моя шинель (она была чёрного цвета, поэтому на ней эта грязь была очень чётко видна). Когда зашёл домой, то мама вначале испугалась, увидев меня таким, но я ей всё рассказал, она меня похвалила, что я не оставил мужика на ночь пьяного на сырой земле. Ну, а шинель и брюки на ночь велела замочить в корыте, чтобы завтра помыть и почистить.

Но... позже выяснилось, что эта услуга, моя доставка пьяного мужика из «болота» домой, вышла для меня жестоким уроком. Следующим ранним утром к нам прибежала жена того мужика и что было сил давай меня обзывать и обвинять. Мол, я самый плохой, самый, как и все ремесленники, и конкретно заявила, что её муж получил зарплату на работе в пятницу, а я якобы воспользовался случаем и её подвыпившего мужа ограбил, забрал у него всю получку. И она стала грозить, что это преступление так не оставит,

требовала меня вернуть ей все деньги, весь заработок мужа сейчас же, или она предпримет все меры, чтобы я вернул им деньги, и будет ходатайствовать, чтобы меня, ремесленника, посадили в тюрьму лет на десять.

Мы стали ей объяснять, что если бы я украл у него деньги, то зачем бы я ей стал показываться. Любой бы в таком случае оставил мужика там, где он лежал, а сам бы со спокойной душой ушёл восвояси. Но она всё равно кричала на всю улицу, что я ремесленник, бандит и вор, и она это так не оставит.

Но вот прошли выходные дни, этот мужик явился на работу, а его товарищи и собутыльники смеются и спрашивают: «Как дела, как жена?». А он машет рукой и говорит: «Хуже не бывает, я потерял всю зарплату». А его товарищ-собутыльник спрашивает: «А что, ты ничего не помнишь?» и сообщает ему, что когда понял, что его «развозит» алкоголь и что ему далеко добираться до дома (с Содового завода), они договорились с ним, что он у него деньги заберёт до понедельника, так, мол, будет надёжней. После чего товарищ вернул этому мужику все его деньги, зарплату, кроме, конечно, того, что они пропили в пятницу. Когда этот мужчина в понедельник пришёл с работы трезвый и вручил жене всю зарплату, объяснив, что всё-таки произошло, она, как говорят соседи, чуть не рехнулась от такого поворота дела. Приходила снова к нам домой и просила извинить, а что толку? Осадок того, что она наговорила, остался на всю жизнь, что я ремесленник-бандит и все ремесленники – воры и бандиты. А главное – разнесла это по всему посёлку.

Но на самом деле её мнение о ремесленниках, да и не только её, но и других людей и в посёлке, и в городе не соответствовало истине.

Похоже, какая-то группа ребят под марку ремесленников действительно совершала преступления, и поэтому последующие нарушения правопорядка стали списывать на ремесленников. Так было проще. Но на самом деле я проучился два года в РУ№5 и никогда не видел ни в нашей группе аппаратчиков, ни в других группах, чтобы можно было кого-то заподозрить в подобном.

Вот, к примеру, со мной учились дедюхинские ребята – Витя Сергеев и Миша Жуков, а также на лаборанта училась Маша Иконникова. Представьте себе, все вышли в люди: добились на производстве больших успехов и даже руководящих должностей.

Выпускники РУ № 5. В первом ряду второй слева – Виктор Коновалов

Дурные вести распространяются быстро, так и этот эпизод разлетелся по всему посёлку, а ведь жена этого пьяного мужика извинилась только передо мной и моими родителями, а толки о грабеже мужчины ещё долго ходили по Дедюхино.

Верно говорит русская пословица: «Слово не воробей, вылетит – не поймаешь». Вот и попробуй в таких случаях всем доказать, что ты не верблюд. Молодые люди, окончившие РУ№5, в то время были востребованы почти по всему Советскому Союзу. Ну, а поступать в училище приезжали отовсюду, ведь там обучали множеству профессий: аппаратчик, лаборант, электрик, токарь, слесарь-универсал, такелажник, машинист компрессорных установок, газоэлектросварщик и другим.

Случай в ресторане

Это произошло летом 1952г. К нам приехал в отпуск из армии сосед по улице Саша Ярыгин. Он служил уже в звании старшины танковых войск. Но так как мы с Сашей дружили с детства, то и сейчас он не отступил от своей традиции, а всё свободное время старался проводить со мной.

Однажды мы с ним решили съездить в город, вместе сфотографироваться, а потом посидеть в ресторане, поговорить о том о сём.

*Слева направо: Коля Смирнов, Саша Ярыгин и Витя Коновалов,
1952 г.*

Приехали в город, зашли сфотографироваться в ателье сначала в своей одежде, а потом – в одежде друга. Я сфотографировался в его военной форме, а он в моей, гражданской. После фотографии зашли в ресторан «Фабрики-кухни». Заказали, как обычно, выпить и закусить. Тут подошёл к нам какой-то лейтенант и тоже присел за наш стол. Мы, конечно, возражать не стали. С Сашей выпили, поговорили, и я ему во время беседы рассказал один случай, как я ловко отобрал однажды у бывшего одноклассника нож, не объясняя подробностей, но сказал, что этому я научился, будучи в ремесленном училище (РУ№5) у ребят. Абсолютно не подумал о значении этих слов для посторонних. Закончив трапезу с выпивкой и закуской, мы с Сашей спокойно ушли из ресторана и уехали в Дедюхино. Разошлись по домам и отдыхали – всё как обычно.

А в это время в городе, в ресторане «Фабрики-кухни» и далее пошёл шум, гам, разборки, расследования. Так как после нашего ухода из ресторана оказалось, что пропала вилка с нашего стола! Официанты подняли тревогу, но как-то успели поймать или он сам так подстроил, чтоб нашли «нашего» лейтенанта, а он сказал, что да, это он взял вилку, но якобы ради защиты. Он объяснил официантам и охране, что за его столом сидели двое молодых ребят и один якобы хвастался, что он бывший ученик ремесленного училища (РУ№5) и, конечно, вернул вилку. Лейтенант рассказал, как можно найти этих «бандитов». Он явно не раз видел Сашу с его сестрой Ниной Гавриловной, возможно, здесь же, в ресторане, и был с ней знаком, а она работала в

Горисполкоме. Вызвали Нину Гавриловну с работы туда для разборки и всю эту комедию рассказали ей. Мы, конечно, могли только догадываться, в каком виде ей это было преподнесено. Она очень удивилась и испугалась такому повороту дела, но сказала, что во всём разберётся.

Приехав домой, налетела на Сашу: «Зачем вы с Виктором хотели зарезать офицера?» и так далее. Но Саша – степенный парень и сказал, что его это совершенно не касается, что он об этом слышит впервые и ничего в оправдание сказать не может. Тогда Нина пришла к нам, то есть ко мне, и со слезами на глазах давай рассказывать о «трагедии в ресторане». А когда начала говорить о ремесленнике и владении им ножом, я всё понял, и меня разобрал смех. Так как для нас это всё казалось комедией, потому что из нашей мирной и дружелюбной беседы, как говорится, «из искорки раздули большое пламя».

Я сообщил Нине Гавриловне про наш разговор в ресторане. На самом деле про нож я просто рассказал Саше один случай между мной и бывшим одноклассником Витей Ширёвым, в настоящее время курсантом военно-лётного училища, тоже приезжавшего в отпуск. Он мне показывал свои навыки владения ножом. Впоследствии оказалось, что этот лейтенант работал у нас, на АКЗ, в Пожаркоме, звали его Иван, фамилию сейчас точно не помню. Жена его трудилась у нас начальником смены. После этого нелепого случая я много раз встречал этого Ивана, но так и не решился с ним заговорить, меня просто разобрал смех за его глупую трусость и страх. Он всё-таки офицер, которому быть таким слабаком унижительно.

Участники Великой Отечественной войны с нашей улицы

1. Бочкарёв – жил на пустыре (между Никольщиной и нашей улицей), был призван на фронт и не вернулся. Это, как помню, по слухам тех лет, но подтверждений в настоящее время ни у кого не нашёл.
2. Петухов Григорий – мой крёстный, бывший муж моей тёти по отцу, был призван на фронт осенью 1941г. (хотя был полуслепой). После гибели двоих детей на пожаре в доме в наказание был отправлен на фронт и не вернулся. Числится как без вести пропавший.
3. Трусов Николай Андреевич – как кадровый офицер, является участником ВОВ.
4. Трусов Павел Андреевич (бывший дьякон)– практически всю войну был на фронте, домой вернулся после войны, в 1945г.
5. Трусов Александр Андреевич – участник ВОВ, вернулся с фронта весной 1946 года.
6. Ведерников Степан – был призван в начале войны как шофёр. С фронта не вернулся, подробности знает его дочь Мария Степановна Ицексон.

7. Петухов Павел Иванович – был на фронте, вернулся в 1945 году.
8. Редозубов – был призван в армию с нашей улицы, но ещё до начала войны, тогда называлось это «на сборы», а жена их дом во время войны продала, а куда уехала – не ведаю, поэтому не знаю о последующей жизни самого Редозубова. Но, по всей вероятности, едва ли он остался жив, так как их наверняка послали в бой в первые дни войны, как говорили солдаты, «с длинной винтовкой и пятью патронами» навстречу гитлеровским танкам и немецким солдатам с автоматами.
9. Малютин Иван – был участником ВОВ, демобилизован с фронта по ранению.
10. Леонтьев Иван Архипович – участник ВОВ, однополчанин Трусова Александра Андреевича, жил на нашей улице после войны, но на фронт призывался не из Дедюхино.

Николай Привалов и его помощник

Николай Николаевич Привалов (на фото 1949г.), наш земляк, участник Великой Отечественной войны, моряк Военно-морского флота. На гражданке работал преподавателем физкультуры и математики.

До войны мы с Николаем Николаевичем не имели связей и общих дел. Где-то в 1947 или 1948 году Привалов вернулся с флота, где прослужил на Дальнем Востоке восемь лет, домой, в родное Дедюхино. По образованию он педагог-математик и решил устроиться в нашу школу-семилетку, но там место педагога по этому предмету было занято Александром Андреевичем Трусовым. Он тоже математик, но с фронта вернулся на два года раньше. Привалову пришлось оформиться в эту же в школу, но на должность преподавателя физкультуры. Николай Николаевич был очень хорошим физруком, особенно если играли в волейбол или баскетбол, то ему не было равных. Владимир Третьяков отзывается по поводу этих игр: «Николай Николаевич вообще был исключением, он, несмотря на возраст и вес, так прыгал выше сетки, что никто не мог с ним соперничать, это было что-то!» Привалов был очень серьёзный и добрый человек, кроме того, он обладал замечательным чувством юмора. Я запомнил его в то время ещё и потому, что в него была влюблена моя соседка по улице Маша Ведерникова. Она

работала тогда продавцом в продовольственном магазине нашего посёлка и частенько приглашала меня к себе в магазин, чтобы я передал письмо её возлюбленному, за что всегда был вознаграждён кулёчком конфет.

Я честно выполнял её поручения, но мне показалось, что всё это было бесполезной игрой. Машенька Ведерникова, наша соседка с 1928 года, влюбилась в моряка-фронтовика, земляка, хотя взаимной любви у них не получилось.

Маша не сразу, но всё-таки встретила свою судьбу. Это был тоже славный, бывалый моряк. И они объединили свои судьбы. Теперь Маша Ведерникова стала Марией Ицексон. Её муж, Михаил Борисович Ицексон, 1921 г.р., служил мичманом на Черноморском флоте. Во время войны корабль попал под обстрел, и Михаил в этой схватке потерял левую ногу. Тогда ему было всего 22 года. Мария Степановна отзывается о муже так: «Мы жили очень дружно, он был замечательный человек». Но в возрасте 64 лет Михаил Борисович умер. Мария Ведерникова (Ицексон) в настоящее время серьёзно больна.

Продолжаем воспоминания о нашем добром смельчаке, в своё время военном моряке Николае Привалове. После окончания семилетки в Дедюхино я потерял его из вида. Наш посёлок был переселен в связи со строительством КамГЭС, и все жители разъехались.

В 1963 году моя милая жена, кстати, тоже Машенька, стала настаивать, чтобы я продолжил учёбу и поступил в техникум. Но для этого необходимо было иметь восьмилетнее образование, а у меня – всего семь классов и РУ№5. Поэтому мне пришлось поступить в восьмой класс школы рабочей молодёжи. В сентябре 1964 года я начал новую жизнь, жизнь ученика-школьника. Конечно, помимо работы. Вначале всё шло своим чередом: ходил вечерами после работы в школу, учил уроки, решал примеры и задачи. И тут мы вновь встретились с Приваловым, который в этой школе преподавал математику. Конечно, он помнил меня и то, что я в седьмом классе очень хорошо разбирался в математике. В первое время он понаблюдал за мной, проверял выполнение домашнего задания по его предмету и как-то заметил, что многие из учеников класса списывают у меня домашние работы. Несколько раз вызывал к доске, чтобы я подробно объяснял свои решения, в частности, сложные алгебраические примеры. А потом несколько раз просил меня провести урок с классом по решению трудных задач и примеров у классной доски с разъяснениями. Учитель как-то в шутку сказал: «Вот Виктор Васильевич, ты сейчас являешься моим помощником». После этих уроков некоторые из учеников говорили: «Виктор, мы тебя лучше

понимаем». Конечно, я был этим польщён, да и Николай Николаевич не раз меня благодарил.

Проработал Привалов в этой школе 15 лет. А я... Видимо, не судьба мне было закончить в ШРМ восьмой класс или десятилетку. Коварная преступница перешла мне дорогу, и я бросил учёбу в школе. Причиной послужила слабость моего характера. А получилось так. К нам приехала моя тёща, мама моей жены Машеньки, с Украины и, конечно, привезла канистру хохляцкой горилки-самогона. Как тут устоять? Во-первых, приехала любимая тёща, которая уважала и, похоже, любила меня больше, чем своих детей, поэтому было грехом с ней не выпить. А ведь свой самогон чище и полезнее, чем водка. Так что после работы мне некогда было идти в школу, а нужно было посидеть с тёщей, поддержать её за стопкой самогона. Одним словом, я со школой расстался. Но всё-таки в техникум я поступил в 1965 году, только в строительный, тогда туда принимали ещё с документами за седьмой класс, но спрос был всё равно как с абитуриента с восьмилетним образованием. Я успешно прошёл вступительные экзамены, опять же, в какой-то степени помогли знания из восьмого класса, что преподавал мне Николай Николаевич во время учёбы в ШРМ.

Я окончил техникум и стал техником-механиком. И всё это благодаря тому, что я был очень хорошо подготовлен по математике. Здесь сыграли основную роль Александр Андреевич Трусков и Николай Николаевич Привалов, за что я им обоим очень благодарен и до сих пор чту их доброту, помощь в науке. Я понял, что математика для человека играет ключевую роль.

Судьба Учителя

Последние годы жизни Николай Николаевич работал директором школы женской колонии. Но судьба сыграла с ним злую шутку. Он, особенно в последнее время, чаще стал ощущать боли в области сердца и жжение за грудиной и в итоге попал в стационар, на больничную койку. Пролежав в больнице около трёх недель, решил отлучиться из больницы и сходить домой, чтобы помыться в ванной и переодеть нательное бельё. Договорился с дежурной медсестрой (чтоб она его не потеряла), а жена принесла верхнюю одежду, и они с ней тихонько уехали домой. Дома он помылся, переоделся, немного отдохнул и отправился обратно, в стационар. Но судьба-злодейка его подвела. Случилось то, чего он больше всего опасался. В том транспорте, на котором он ехал в стационар, находилась и его лечащий врач. Это был удар, как говорят спортсмены, ниже пояса. На другой день при обходе

больных по палатам его врач сразу, без вступления, спросила: «Кто тебя отпустил домой из больницы?». Привалов не стал подводить медсестру, а всё взял на себя, сказав, что решил самостоятельно, в сопровождении жены, съездить домой и помыться в ванной. На что врач строго объявила: «Я вас выписываю из больницы с белым больничным листом за нарушение режима». Конечно, для Николая Николаевича это был сильный шок, но он, взяв белый больничный лист, уехал домой. Но и ночью, и утром ему было очень плохо из-за сердечных болей, и он отправился вновь на приём к своему лечащему врачу (а лучше было бы вызвать «скорую помощь»). Он приехал в больницу, занял очередь и хотел, как обычно, согласно очереди попасть на приём, но боли в области сердца и сильное жжение в груди не дали ему такой возможности, и он решил попросить очередь, чтобы ему разрешили как можно раньше обратиться за помощью к врачу. Люди, конечно, его поняли и дали безоговорочно зайти в кабинет к врачу. И опять гордость и принципиальность врача взяли верх. И врач строго сказала: «Выйди в коридор, зайдёшь согласно очереди». Это был для него последний удар с конечным исходом. Он вышел в коридор, сел на свой стул, но в итоге более с него самостоятельно так и не встал. Ему стало плохо, люди тут же потребовали врача вмешаться в это дело. Но... все хлопоты после этого были безрезультатны.

Вот так, по принципу власти врача можно потерять жизнь человека. Она считала, что поступает правильно, по закону, но не захотела понять общее состояние здоровья своего пациента.

В итоге в мирное время хороший, жизнерадостный, очень добрый и сильный человек может потерять жизнь из-за того, что молодая женщина-врач не захотела понять, почувствовать учителю, участнику Великой Отечественной войны, бывшему воину-моряку.

Вот к чему привела серьёзная страсть к дисциплине и соблюдению режима. А где же клятва Гиппократа? Понимая свою ошибку, его бывший лечащий врач не смогла после смерти пациента перед своим кабинетом работать в этой больнице, срочно рассчиталась и уехала из города.

Ушёл из жизни наш Учитель в 1977 году в возрасте 57 лет, хотя мог бы прожить гораздо дольше.

О службе в армии, особенно за границей.

Приземление самолёта

21 августа 1953г. над городом Березники несколько раз относительно низко пролетали три реактивных самолёта. Я в это время занимался обустройством дома, который перевезли из Дедюхино в Абрамово. Меня, конечно, заинтересовал этот шум самолётов и вдруг – сильный толчок типа взрыва прямо за Абрамово, на пустыре, где хотели готовить аэродром. Я выскочил на улицу и увидел, что на этом пустыре, за посёлком поднялись высокие клубы пыли и песка. Было понятно, что один из самолётов упал при желании приземлиться. Я, конечно, бросил всю работу по дому, сел на велосипед и помчался к месту его падения. Это было уже под вечер. Подъехал я к месту падения ещё вовремя, так как уже при мне помогали вылезти из кабины «опомнившегося» лётчику, но уже приехала милиция, и нас близко к самолёту не подпускали. Пилота усадили в милицейскую машину и увезли, похоже, сначала на обследование и для доклада командованию. А мы продолжали осматривать самолёт, ведь зевак было очень много. Тут подошёл ко мне Володя Суворов, мой товарищ – мы с ним вместе учились в РУ-5 и оба работали на АКЗ – и говорит: «Витя, тебя разыскивает военкомат, давай, срочно езжай туда». Я приехал в военкомат уже в одиннадцатом часу вечера, мне вручили повестку в армию, велели оформлять всё срочно, а на завтра, то есть 22 августа 1953 года, в 5 часов вечера уже вывезли из Березников (сказали, что расчёт получают родители).

Позднее выяснилось, что из трёх реактивных самолётов и их лётчиков в живых остался только один, наш, двое остальных погибли. Один упал около Шишей, а третий хотел, видимо, приземлиться на картофельное поле, но ударился о высоковольтную линию (около Сёмино) и погиб.

Срочный призыв в армию

Нас, сто человек новобранцев из области, привезли в Пермь, в военнораспределительный пункт. Оказалось, за нами приехал авиатор – офицер с голубыми петлицами и погонами. Он как будто знал, что только накануне мы расстались с несчастными реактивными самолётами и их лётчиком.

На другой день нас срочно погрузили в вагон и увезли в Белоруссию, а именно в город Городок, станция Прудок, где мы и проходили ускоренный курс молодого бойца.

Почему ускоренный? Это было понятно, так как после смерти товарища Сталина в 1953г. в Германии стало беспокойно: со стороны ФРГ постоянно были обострения отношений с ГДР, где находились советские войска. Мы поняли, что нас готовят к отправке за границу, потому что обмундирование отличалось от обычного и сапоги выдали яловые (с металлическими набойками на подошве), да и старослужащие, что нас обучали, сразу сказали, что нас за границу готовят.

Поселили нас в бывшем бараке для военнопленных со времён войны. Не очень далеко от нашего городка военнослужащих, около лесного массива, под землёй находились большие склады авиабомб. И нас часто туда гоняли полоть траву над складами.

После окончания курсов молодого бойца и принятия присяги нас отправили на железнодорожный вокзал, где мы со склада грузили в спецвагон сухой паёк в дорогу. В сухой паёк входили: сухари, шпик и солёная рыба.

Нас, всех новобранцев, поместили в обычный большой вагон «Пульман» – это 100 человек. Посреди вагона стоял бак с водой, которого нам не хватило даже на четверть пути. Нас очень мучила жажда: в вагоне жарко, духота, а солёная рыба и сухари тем более требуют влаги.

И вот – первая остановка поезда в Польше для заправки паровоза водой. Из наших ребят некоторые были знакомы с железнодорожными заправками водой. Мы выскочили из вагона и побежали к водонапорному крану, что находился недалеко от нашего вагона, кто с кружкой, кто с чашкой, а большинство с пилоткой. Дёрнули за трос для открытия крана, но воды набрать не удалось, так как там очень сильный напор и большая высота, вода ударялась в наши ёмкости и тут же вылетала наружу. Но тут нас заметили офицеры и давай стрелять в воздух, чтобы мы срочно вернулись в вагон, потому что незадолго перед этим было массовое покушение в Польше на эшелон с советскими солдатами из ГДР. А нам так хотелось пить!

Вот и Германия, временная остановка эшелона на каком-то пустыре, от нашего вагона в 250метрах стояла какая-то усадьба. Мы кинулись к ней, не все, конечно, несколько ребят умели говорить по-немецки, и они давай звать хозяев этой усадьбы. Вышла девочка. Ребята просили, чтобы принесла воды. Она пыталась носить нам воду кружками, но что это для такой оравы! И тут снова выстрелы, нас закрыли в вагоне капитально. Наконец-то мы прибыли в

Эльшталь. По прибытии шли еще часа 1,5–2 пешком и добрались до воинского гарнизона. Нас тут же направили в баню.

Мы все сразу, не раздеваясь, кинулись к воде, помылись, переоделись, и нас привели в казарму, чтоб распределиться по койкам и оставить личные вещи, только тогда повели в столовую. Казарма была обычная, солдатская, конечно, никакого сравнения нет с нашей, в Белоруссии. Столовая отличная, чистая, и хоть кормили хорошо, но нам всё равно не хватало. Хлеб был немецкого производства (тогда ещё Германия обеспечивала советских солдат). Хлеб батонами лежал на подоконнике столовой (похоже, на всех и на весь день). Так наши ребята видя, что хлеб лежит свободно, а рядом никого нет, начали потихоньку воровать эти батоны, проходя мимо подоконника. Там обычно дежурными по столовой были старослужащие, они заметили через день-другой – не стало хватать хлеба, поняли, что это воруют новички. Нас, конечно, после такого очень хорошо проработали.

Примерно через неделю нас перебросили в Штраусберг, это под Потсдамом, бывший гитлеровский военный городок. Мы были даже ошеломлены, потому что такого ещё не видели. Весь городок в зелени, шикарные кустарники, и даже казармы все обвиты плющом. Внутри светлые просторные помещения, потолки высокие. Одним словом, пожалуй, в разы лучше наших русских гостиниц (конечно, кроме люксов).

Но вся эта красота у нас сразу поблёлкла, так как когда немцы покидали этот городок, то очень тайно и скрытно наставили заглушки на воду и канализацию, которые долго не могли устранить. Воду нам привозили, а вот с туалетом была проблема, собирали группу не менее 10 человек и под автоматами выводили опорожняться в кусты, поскольку в то время ещё было небезопасно находиться в кустах поодиночке, хоть это и военный городок, и огороженный, и вроде бы кругом посты. Случалось всякое. Особенно часто снимали часовых на посту – приходит смена часового, а часовой, которого должны сменить, лежит с клинком в груди.

Нередко это бывало на танкоремонтном заводе, что находился недалеко от нашего городка. Бывало, что отдельные группы диверсантов вели огонь на поражение по группам наших солдат, требуя вывода советских войск с территории Германии. Но, возможно опасаясь конфликта с союзниками в случае ответных мер, руководство нашей страны требовало сохранять спокойствие и не отвечать на огонь. Ситуация поменялась после директивы маршала Жукова, который приказал танковым колоннам даже углубиться на территорию ФРГ.

Такая демонстрация силы, как считают военные историки, стоила маршалу Жукову министерского поста и опалы, но провокации прекратились.

Дорогие читатели, извините, что отвлекся от рассказа о личной армейской службе.

Итак, мы остановились на том, что нас перебросили в военный городок, который ранее занимали немецкие солдаты. Там мы вскоре хорошо устроились, всё вошло в обычный, нормальный солдатский порядок. Из нас командование выбрало 10 человек и назначило на ускоренные курсы младших командиров, в том числе и меня. Через месяц мы получили звания ефрейторов и были назначены командирами строевых отделений. Затем вся сотня была разбита на три группы, каждая из которых именовалась классным отделением (по три строевых отделения). Я был назначен старшим одного из них. Наше классное отделение начало обучаться на механиков по зарядке самолётов кислородом и сжатым воздухом, второе классное отделение – по ГСМ, а третье – связистов.

В общем, нас готовили на специалистов по обслуживанию самолётов. Аэродром находился в 4,5–5 километрах от нашего городка. Добираться до него надо было по подземному тоннелю, который проходил под скоростной автотрассой. Тоннель был шикарный, по нему ездили автомашины и автобусы. В городе была своя котельная для обслуживания городка горячей водой и отоплением.

Месяца через два или три в городке организовали военторг, который обслуживали только немки. И тут произошёл очень некрасивый, неприятный сюрприз и опять с кражей.

*Курсант Виктор Коновалов.
Германия, 1953 г.*

Неприятный инцидент

Я уже неоднократно упоминал, что немцы почему-то более доверчивые: у них в городе перед магазином на улице стоят ящики с овощами, фруктами – выбираешь что хочешь, а потом заходишь в магазин,

там продавец взвешивает то, что ты выбрал, и ты расплачиваешься за покупку. Но с военторгом всё получилось наоборот.

В первый же день открытия этого магазина мы, солдаты, пошли поглазеть, а может, и купить что-нибудь. Желающих собралось немало, тем более что многие узнали о продаже в нём дешёвых ручных часов. Стоимость часов была от 8 марок (штамповка), 100 марок и выше (нормальные). Солдат у прилавка с часами собралась уйма, и все просят продавца подать часы, чтоб посмотреть, проверить. Прошли и смотрели их часы даже через третьи и четвёртые руки. А немки не знали русского обычая «бери, что близко лежит» и подавали, раз солдаты хотят посмотреть, проверить их ход (часов).

Но...к вечеру обнаружили большую недостачу. Ревизия выявила недостачу в 5 тысяч марок. Утром нас, всех младших командиров, вызвали в штаб и дали нам такую политинформацию, что мы не могли усмотреть за своими подчинёнными и предотвратить этот позор. А потом просили и даже приказали поработать с личным составом и заставить или вернуть в магазин украденные часы, или оплатить их стоимость.

Работа была проведена колоссальная, но результатов – ноль. Уж так устроен русский человек. Пришлось командованию компенсировать этот ущерб немцам.

Учёба шла полным ходом: и занятия по профессии, и строевая, и стрелковая подготовка, а также политзанятия.

Но вот как-то весной 1954г. я вёл классное отделение в казарму с занятий. Подбежал посыльный и доложил, что моё классное отделение должно срочно явиться на гарнизонный стадион на четвёртую весеннюю спартакиаду.

Что ж, приказ есть приказ – это основной закон военнослужащего. По прибытии на стадион нам объявили, что мы должны сдать нормы по прыжкам в длину. Я, как командир и старший классного отделения, должен был показать пример и прыгать первым. Я даже без разминки в полной форме разбежался, как положено, и сделал прыжок. Как оказалось, показал самый лучший результат, за что и получил грамоту.

Всё было хорошо, служба была успешной. Учёба приближалась к завершению. Но в это время я перенёс ангину, как говорят в народе, «на ногах», за что и расплатился. У меня случился сильный приступ ревматизма (считается, что это осложнение после ангины).

Меня повезли в госпиталь в город Потсдам, это где-то 400 км от нашего городка. Дорогой мы остановились передохнуть. Дорога лежала через лесной массив, и что вы думаете – я был в шоке, когда зашёл в лес. Меня поразила абсолютная чистота в лесу, чудо – да и только!

Вот и город Потсдам, меня положили в бывший гитлеровский госпиталь, где я и пролежал больше месяца. Госпиталь отличный, лечили русские врачи и медперсонал. Санитарки были, в основном, немками или русскими немками. Кстати, хочу сделать небольшое отступление.

Немецкий характер

При прохождении службы в Германии я понял, что немцы – народ очень доверчивый, о чём я писал ранее. Фрукты и овощи лежали перед входом на улице, а продавцы, находились в магазине. Но ещё и такой факт – на улице, между автотрассой и тротуаром, перед магазинами, офисами, больницами и производственными помещениями стояли вилки для парковки велосипедов, и бывало, что их оставляли в таком состоянии на весь день – это два примера, а третий – это случай в военторге с часами.

И второе – это чистота, чистота везде, даже в лесу.

А о третьей их отличительной черте я узнал, находясь в госпитале. Итак, продолжаем. Я лечился от ревматизма в госпитале. В палате нас лежало четверо человек, все советские военнослужащие с различными заболеваниями. Лечение проходило своим чередом, как обычно. Один парень из нашей палаты завёл роман с санитаркой-немкой, звали её Анна-Роза. Эта санитарка, если её дежурство совпадало с ночной сменой, то обязательно ночью приходила к нашему товарищу по палате, и конечно, они занимались любовью.

Мы как-то, а она работала в день, решили поговорить с ней, что, мол, ты не боишься мужа, если он узнает о твоих связях с русским солдатом? И вот что она рассказала: «У нас, у немцев, нет ревности, а есть правило, что если муж хочет переспать с соседкой, то он идёт к соседу и они обоюдно решают поменяться женами на ночь».

И ещё она рассказала, что у них принято за честь, если девочка спит с разными парнями (она считается хорошей, если её все любят, а если она девственница и не расплела косу, то её и замуж никто не возьмёт). Считается, если она никому не нужна, то зачем она нужна мне?

И ещё нам эта Анна-Роза сказала: вот поэтому у немцев ни у кого нет отчества. И привела пример: Фридрих Энгельс, Карл Маркс.

Хватит с отступлением, так как подобных примеров много.

Моё лечение подошло к концу, в итоге меня выписали с рекомендацией – в отпуск, на родину с последующей проверкой и решением гарнизонной военно-врачебной комиссии.

Прощай, Германия! Да здравствует Россия!

Жаль, что не успел окончить курсы и получить сержантские погоны, пришлось ехать в Россию ефрейтором. После отпуска прошёл перекомиссию. Из протокола заседания гарнизонной военно-врачебной комиссии, цитата: «Годеи к нестроевой службе. К тяжёлому физическому труду не годен. Целесообразно использовать в войсковых частях на штабной работе (писарь, кассир, делопроизводитель)».

И направили меня в Уральский военный округ, в город Киров, дивизия № 20616. Начальник строевой части дивизии майор (не помню его фамилию), проверив мои документы, направил в строевую часть в/ч № 61887 в качестве писаря штаба. По прибытии в штаб назначенной воинской части некоторых удивило, что у меня голубые погоны с крылышками, а я явился на службу к краснопогонникам, в пехоту. Приняли, зачислили в штат полка и направили менять форму. Заменял форму, одел красные погоны и вспомнил русскую поговорку: «рождённый ползать летать не может». Так я из авиации угодили в пехоту.

Итак, я писарь строевой части полка, был зачислен в хозяйственный взвод. Служба шла своим чередом. На службе освоился быстро и легко.

В России, конечно, служить проще, бывают увольнения в город, чего не скажешь о Германии. Я за год службы в Германии ни разу не бывал в увольнении из военного городка, так какна это был строгий запрет. Отношение командования полка ко мне было хорошее, особенно начальника строевой части и начальника штаба полка, мне даже доверяли гербовую печать полка, она хранилась в моём сейфе, потому что я ей пользовался значительно чаще. Служить было интересно, хотя работы было достаточно много. В зимний период, как правило,

находились в городе Кирове, но часто выезжали за город, на стрельбище.

На летний период все выезжали в военный лагерь «Вишкиль» на берегу реки Вятки, где в выходные дни купались и даже загорали у речки.

Но как гласит русская пословица, «не всё коту Масленица». Бывает, солнце и тучей закрывается. Так и у меня раз случилось, что получил наряд строгого режима гауптвахты. А получилось это так. Я был дежурным по штабу полка.

Виктор Коновалов, г.Киров

Командир полка в это время был в командировке, а начальник штаба – в отпуске. Обязанности начальника штаба исполнял его заместитель майор Рудь. И вот ему вздумалось покомандовать. В два часа ночи звонит в штаб и приказывает объявить тревогу, чтоб все офицеры и старшины-сверхсрочники к пяти часам утра были в полном сборе при штабе. Это была ночь на воскресенье.

Мы с посыльным поочерёдно (так как штаб пустым оставить нельзя) оббежали всех офицеров и старшин-сверхсрочников, разбудили, объявили о тревоге и о прибытии в штаб к пяти часам, кроме старшины Ореховского, командира хозяйственного взвода (он, оказывается, был далеко от лагеря – у любовницы в какой-то деревне).

В пять часов утра явился майор Рудь, я ему доложил, что все офицеры и старшины к месту сбора явились, кроме старшины Ореховского, поскольку его в расположении лагеря нет. Майор Рудь посуровел и приказал наказать ефрейтора Коновалова двумя сутками строго режима, а начальнику строевой части срочно выписать записку об аресте и отправить ефрейтора на гауптвахту.

Почти все офицеры стали возмущаться, особенно начальник строевой части, ведь как раз необходимо было составить и вовремя сдать отчёты о солдатах-сверхсрочниках и офицерском составе. Майор Рудь понял, что перегнул палку. Но, во-первых, он хохол, а во-вторых, это унижительно и почти невозможно, чтобы отдать приказ и по просьбе-требованию подчинённых тут же его отменить.

Правда, я на гауптвахту не попал, хотя комендант гауптвахты (не ведаю, откуда он узнал обо мне и моём аресте) неоднократно настаивал, чтобы меня срочно доставили к нему (ведь ему тоже нужно было срочно готовить отчёты). А я по приказу своего личного командира-начальника днём отдыхал в палатке, а с вечера до утра работал в штабе, так как следовало своевременно подать строевую записку в пищеблок и готовить отчёты.

После этих двух суток всё пошло по прежнему руслу, я опять, являясь старшим писарем строевой части полка, как и раньше, выполнял свои функции. На стрельбы выходили часто, и за отличную стрельбу я был награждён значком «Отличный стрелок» и отпуском на родину на 10 суток.

А вообще за время службу старшим писарем штаба полка получил шесть благодарностей, два отпуска на родину, почётную грамоту, два значка «Отличный стрелок» и фотографию перед развёрнутым знаменем полка, а это в армии считалось большой заслугой.

Но в штабе мы занимались не только работой, строевой подготовкой, стрельбой, но и политзанятиями, в частности, после февральского XX съезда

КПСС – о культе личности товарища Сталина. И что же получается, только что служили в Германии и, соответственно, защищали достижения тов. Сталина, а прибыв служить в Россию, стали его обвинять? Это сильно подействовало на солдат. Я просто хочу сказать, что служба в армии, особенно старшим писарем строевой части полка, очень сложная, ответственная и совершенно необходимая, не всякий с ней справится! Здесь нужны напор и усидчивость. Итак, лето 1956г., вместо выезда в летний лагерь «Вишкиль» пришёл приказ о передислокации нашей дивизии из Кирова в город Оренбург. Прошла очень кропотливая работа, многие сверхсрочники не желали уезжать из Кирова, где обзавелись семьями и жильём, и вот они умоляли, чтоб их оставили в Кирове. И тут, конечно, многое зависело от меня, старшего писаря строевой части полка.

Но со всем этим справились успешно и прибыли в Оренбург. В Оренбурге нас ожидал новый комдив – генерал-лейтенант Елин. Он оказался бывшим однополчанином начальника штаба нашего полка подполковника Андриевского, который во время ВОВ его, тяжелораненого, вытащил с поля боя и доставил в медсанчасть. Андриевский был очень рад этому и когда ему

назначили явиться на приём к комдиву, он зашёл ко мне в строевую часть и сказал: «Виктор Васильевич, пожелай мне удачи, если генерал узнает меня, то я хочу попросить его о переводе меня в кадровый полк». Я пожелал ему успеха, мы пожали друг другу руки, и он отправился на встречу к комдиву. Это был исключительный случай, и я гордился им.

В Оренбурге служба шла также своим чередом. Бывал в увольнении в городе и даже искупался в реке Урал, где когда-то погиб легендарный комдив Василий Иванович Чапаев. Тут прошли слухи о частичном сокращении армии. И правда, пришёл приказ о моей демобилизации. Прощай армия (август 1953 – 1956 г.), да здравствует гражданка!

Целина

Комсомольцем я стал в армии – на службе в ГДР. После окончания курсов младших командиров мне присвоили звание ефрейтора и назначили командиром строевого отделения. Мы были курсантами авиаподразделения, поэтому меня поставили старшим классного отделения, в которое входило дополнительно ещё два строевых отделения.

Армия есть армия, тогда мне было заявлено, что командир должен быть комсомольцем. Поэтому я вынужден был вступить в комсомол, то есть всю службу в армии был комсомольцем.

После армии я вернулся работать на свой родной Анилиноокрасочный завод. Это было в августе 1956 года. Не прошло и года, был призыв ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ о том, что Родине нужны комсомольцы-добровольцы для поднятия целинных и залежных земель. И в начале лета 1957 года горкомом ВЛКСМ я был назначен бригадиром сводной бригады из 25 человек (13 человек с БАКЗ и 12 человек с «Теплостроя»). Я, конечно, вначале возмущался, так как это было для меня очень серьёзное дело, но спорить было бесполезно.

С нашего завода все ребята были хорошие и достойные комсомольцы, такие как Константинов Георгий, Кашин Василий, Старков Александр, Киселёва Валентина и другие.

Из группы «Теплостроя» старшим назначили Аркадия Тимочкина, которого я определил своим помощником; Валю Киселёву назначили ответственной за быт и питание. Это было для нас очень ответственно и серьёзно, так как всё начиналось на голом, пустом поле, вернее, степи, куда нас привезли и где выгрузили. Выдали нам жерди, брезент и сказали: «Обустроивайтесь». Мы, в основном наши ребята, начали планировать и устанавливать палатку на 25 человек. Поставили её и разделили пополам тем же брезентом. Получилась палатка из двух комнат – женской и мужской. На следующий день провели разделение людей бригады по местам. Часть оставили для работы на кухне, чтобы готовить пищу для белорусских строителей и наших, из Березников: бригада БМЗ (тогда ещё завод назывался Березниковский магниевый завод), бригада с СУТСа (Трест №1) и мы, сборная БАКЗ и «Теплостроя».

Работали все дружно, сплочённо. Вначале моя бригада работала как бы подручными у специалистов – строителей из Белоруссии. Проработали с месяц, и я обнаружил у себя вошь, так как бани не было. Пришлось объявлять санитарный день, и я всю бригаду вывел к речке мыться, стирать и прокалывать одежду у костра.

Сборная бригада БАКЗ и «Теплостроя» на целине. Сидят: слева Киселёва Валя – завхоз бригады, рядом девчата из «Теплостроя». Стоят: второй слева – Борис Балдин, Виктор Коновалов, Аркадий Тимочкин – помощник бригадира из «Теплостроя», Гена, Борис, Жора Константинов. Казахстан, Кокчетавская область, Целиноградский зерносовхоз. 1957 г.

Правда, это был не отличный выход, но в то время я лучшего варианта не нашёл, и это повторялось неоднократно. Слава Богу, после этого случая никто больше на подобное не жаловался.

А тут где-то в августе было приказано срочно перевести нашу бригаду в город Кокчетав для работы на элеваторе, и в это время случился небольшой конфликт. За нами пришла машина, а я не досчитался одного парня из «Теплостроя». Я, как бригадир, не имел права потерять человека, пошёл искать его и нашёл в землянке у девушек, живущих тут с прошлого года. Они из зерна готовили бражку и его приласкали. Когда я его увидел, он был изрядно выпивший. Я предложил ему поехать с нами в Кокчетав, оставив девушек. Он решил меня порезать, я заметил, что у него между пальцев блеснуло лезвие. Но я дедюхинский парень, не зря мы все носили прозвище «майоры» – я ловким движением вывернул ему руку, и лезвие выпало. Тут подбежали ребята из бригады, мы связали его по рукам и ногам, положили в кузов машины, которая и увезла нас в Кокчетав.

Здесь нас распределили по способностям – кто электрик, кто слесарь, кто маляр, а в основном все остальные были направлены на разгрузку

вагонов с зерном. Я обычно работал в паре с Жорой Константиновым. Мы за смену вдвоём разгружали вручную «Пульман» с зерном, так как кроме лотка от вагона, чтобы скатилось зерно в приямок склада, никакой механизации там не было.

Уставали, конечно, очень, но ведь мы — комсомольцы-добровольцы, да и жаловаться было некому.

В конце нашей работы на целине мне, как бригадиру, и, очевидно, как примерному и успешному труженику, был вручён значок ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных земель». По итогам комсомольского социалистического соревнования наша бригада стала первой.

Трое целинников с нашего завода были награждены путёвками в дом отдыха «Огурдино» за отличную работу бригады на целине. Это Александр Старков (на фото слева), я, Виктор Коновалов, и Людмила

(фамилию не помню).

По прибытии домой и выходу на работу в цех №17 АКЗ, куда я устроился сразу после армии, меня избрали заместителем секретаря комсомольской организации цеха. В конце ноября или начале декабря 1957 года проходило большое общегородское комсомольское собрание в ДК им. Ленина, меня избрали на нём членом горкома ВЛКСМ. В замах секретаря комсомольской организации цеха я так и проработал до выхода из комсомола по возрасту.

Так что комсомол сыграл большую роль в моей жизни, поэтому мне есть чем гордиться в год его столетия.

Часть сводной бригады на целине (остальные на работе). В центре сидит бригадир Виктор Коновалов, за ним стоит помощник Жора Константинов, девчата из «Теплостроя».г. Кокчетав, 1957 г.

Мой родной Химзавод

Я проработал на своём родном заводе 41 год. Сначала, при поступлении в 1949 году, он назывался Анилинокрасочный, затем его переименовали в Химзавод. Когда заканчивалось строительство «Кубовых красителей», а планировалось, что они войдут в наш завод, то Химзавод переименовали в Химкомбинат. Но по воле Божией, или нашлись умные головы в правительстве, и эти «Кубовые красители» прикрыли. И слава Богу, так как производство «Кубовых красителей» во время работы выделяло бы в атмосферу нашего города большое количество паров ртути, что оказало бы очень вредное влияние на здоровье людей, здесь живущих, особенно на детей. После закрытия так и не начавшего производства «Кубовых красителей» наш Химкомбинат вновь переименовали в Химзавод. Но после перестройки и развала СССР его назвали «Бератоном», тут пошла купля-продажа (несколько раз) нашего родного завода, он тогда потерял название «завод». Сейчас там одни развалины и недействующие корпуса (разграбленные здания) бывших цехов.

История завода

Когда я пришёл работать на АКЗ в 1949 году, тогда ещё отдел кадров находился около проходной и ворот на территорию завода, это было деревянное здание барачного типа, в нём же обитала и охрана завода. Действующих цехов было ещё немного. Первым построили и пустили в эксплуатацию в 1939 году кислородный цех, затем цех №2, эвакуированный из Подмосковья (пикрина), цех №1 (магнезии), цех №5 (несколько отделений, в частности, производство бертолетки (бертолетова соль), 16-е отделение производства натрия, генераторный цех, ПВЦ – производство пара высокого давления, механический цех (в 50-е годы запущен новый большой цех), РСЦ, впоследствии тоже обновлённый. Короче говоря, на нашем заводе изначально под прикрытием цехов общего значения планировалось запустить цеха, которые бы работали на оборонку, поэтому он и был зашифрован номерным и назывался просто – 237-м. Первым директором этого завода с 1939 по 1942 год был Кирилов Владимир Дмитриевич (почти мой земляк – Лёнвинский, а я жил рядом, в посёлке Дедюхино). Его сменил Чучкин Глеб Владимирович и был директором с 1943 по 1945 год, а с 1945 по 1951 год директором работал Попов Алексей Сергеевич.

Трудовая деятельность

На завод я пришёл ещё совсем молодым, 17-летним, а начал свою практику в цехе №12 (производство фенола). Это был устаревший цех в смысле санитарных норм и правил. Поэтому рядом строились, причём ускоренными темпами, новые корпуса цеха по производству фенола. А мы, молодёжь, активно участвовали в строительстве и пуске их в эксплуатацию. Также при мне начали строиться и вводиться в эксплуатацию цех №18 (альтакс, коптакс), цеха №№ 24, 17, 15, 20, 25, 6 и другие. Одновременно реконструировались запущенные ранее производственные цеха. Из ремесленного училища №5 я был выпущен аппаратчиком 6-го разряда (в то время я был единственным выпускником-аппаратчиком анилинокрасочного производства 6-го разряда по решению Пермского управления образования).

После окончания учёбы нас всех распределили по разным городам, в те места, где были необходимы кадры нашей специальности.

Смена цеха № 2 БАКЗ, 1952 г. Виктор Коновалов сидит справа

Меня и ещё пятерых из нашей группы направили на АКЗ. Лично меня, Сашу Молокотина и Володю Суворова назначили в цех №2 (производство пикрина). Этот цех был запущен в числе первых, так как должен был служить для оборонки. Но в нём не разрешалось работать женщинам, они становились недетородными, а мужчинам куда деваться? Пикрин нужен стране, значит, кто-то должен жертвовать собой. Вот пример. Наш мастер в ремесленном училище, кстати, очень красивая женщина – украинка Антонина Петровна Купенко, жена моего начальника смены Сорокалетова. Красивый, стройный и весёлый был человек, но жена его бросила и сошлась с молодым спортсменом. Это, по-моему, объясняет всё.

А я, как молодой специалист, был назначен в этом цехе старшим аппаратчиком станции омыления и кристаллизации с помощником по станции кристаллизации – аппаратчиком 5-го разряда. Эта станция, так называемое производственное расположение рабочего места, находилось под самой крышей здания, поскольку в этом здании потолка, как это положено, вообще не существовало. Сами понимаете, что цех-то строился экстренно – война!

Итак, я старший аппаратчик этой станции, с работой освоился, и всё шло хорошо. Но вот мой напарник, Саша Молокотин, аппаратчик 5-го разряда и помощник по кристаллизации, на выходные дни уехал домой, за Каму (не то в Усолье, не то в Пыскор). И случилось ЧП – на Каме пошёл лёд, а как попасть обратно? Ведь вертолётов не было и моста через Каму ещё не

*Виктор Коновалов, слесарь цеха № 17,
1965 г.*

существовало. А работать-то надо, и вот тогда мне пришлось работать за двоих, а куда деваться, кто мне помощника даст, откуда?

В итоге я отработал один за двоих около трёх недель, и это сыграло свою негативную роль. Наш экономист (бывший фронтовик без одной ноги) дал заключение, что если молодой аппаратчик с успехом справляется около месяца один, без помощника, то я, мол, рекомендую сократить единицу – помощника старшего аппаратчика станции омыления (кристаллизаторщика). Что и выполнили.

Конечно, меня ругали за то, что я показал нехороший пример, но что поделать – так сложились

обстоятельства. В итоге мы, аппаратчики станции омыления и кристаллизации, крупно проиграли, но ничего исправить не могли. У меня было несколько причин быть недовольным работой в этом цехе. Во-первых, чуть появившиеся волоски на усах и подбородке всегда отсвечивали желтизной, как у цыпленка, поэтому я начал очень рано бриться. А ещё одна серьёзная проблема – если отработаешь смену с 18:00 до 23:30 вечера, то после работы, хоть я и жил далеко от завода (битый час хода), ложась спать, не мог уснуть минимум до четырёх часов, так как очень жгло глаза. И пока капитально не прослезись, уснуть невозможно – это был пикрин. Мне приходилось, конечно, трудиться аппаратчиком на станции омыления и выполнять работы аппаратчика кристаллизации, и даже частенько функции на станции промывки ДНХБ (динитрохлорбензола), так как там, за стенкой, не хватало аппаратчиков, а моя станция в какой-то степени зависела от неё. В результате начальник цеха неоднократно приглашал меня к себе на собеседование и предлагал переходить на должность мастера смены. Но я не торопился с ответом, так как готовился к службе в армии.

И это случилось в августе 1953 года, когда срочно потребовались солдаты именно с Урала для службы в составе войск Советской армии после смерти товарища Сталина.

Директора завода

Я начал свою трудовую деятельность на предприятии АКЗ, где до 1951 г. директором был Попов Алексей Сергеевич, а с 1952 по 1969 год директором работал Яковлев Валентин Васильевич, бывший фронтовик. Он трудился у нас на заводе сначала начальником механического цеха, потом главным механиком завода, а затем был назначен директором. Честно скажу, что такого директора, как товарищ Яковлев, по-моему, не было и, наверное, не будет. Это был правильный, справедливый и честный человек. При нём завод почти всегда давал план, а инженерно-технические работники получали премию 60 процентов. Директор помог решить как личную, так и цеховую проблему, когда я работал предцехкома. Но Валентин Васильевич заболел и вскоре ушёл из жизни.

Марат Сергеевич Ураков был направлен к нам с Азотно-тукового завода сначала парторгом, а после смерти Яковлева руководил нашим предприятием с 1969 по 1985 год.

Директора Химического завода

(из Энциклопедии Березников)

Попов Алексей Сергеевич – директор предприятия с 1941 по 1951 год. В последующие годы работал директором завода имени Орджоникидзе в Перми, председателем исполкома Пермского горсовета депутатов трудящихся и в облисполкоме.

Яковлев Валентин Васильевич (1912–1971 гг.)

родился в ст. Урюпино Донской (ныне Ростовской) области. В 1932 году окончил Славянский индустриальный техникум, заочно учился в Харьковском индустриальном институте. С 1932 года на заводе «Красный химик» в Славянске трудился техником-механиком. В 1942 году вместе с заводом был эвакуирован в Березники. С 1942 года работал главным механиком завода. С 1952 по 1969 год – директор завода. С 1969 года трудился в должности зам. директора по капитальному строительству кубовых красителей и очистных сооружений. Награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями.

Ураков Марат Сергеевич (1924–1992 гг.) родился в городе Казани. Участник Великой Отечественной войны, дважды был тяжело ранен. В 1951 году окончил Казанский химико-технологический институт. Распределён на АТЗ в город Березники, где работал механиком цеха № 24. С февраля 1956 года главный механик Березниковского анилиноокрасочного завода. С 1969 по 1985 год – директор Химического завода. Под его руководством пущено 22 новых производства, среди которых цех по химической очистке сточных вод, биологические очистные сооружения, водозабор «Усолка». Награждён орденами Красной Звезды, Славы III степени, Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», знаком «Отличник химической промышленности СССР». Почётный гражданин города Березники с 1991 г.

Попов Борис Николаевич родился в 1947 году в городе Чердынь Пермской области. Окончил химико-технологический факультет ППИ. В 1979–1980 гг. заочно обучался на отделении организаторов производства в Московском институте повышения квалификации. На предприятии с 1971 года, работал мастером-технологом, начальником отделения, начальником цеха. В 1981 году назначен главным инженером Пермского химзавода имени Орджоникидзе. С 1985 по 1992 год – директор БХЗ, с 1992 г. (после акционирования) по 1999 год – генеральный директор ОАО «Бератон». Награждён орденом Трудового Красного Знамени, имеет звание «Почётный химик РФ». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники за разработку промышленного метода биотехнологического получения акриламида и полимеров на его основе

Итак, в 1956 году я отслужил свой срок в рядах Советской Армии, вновь вернулся на родной завод и решил пойти работать в цех № 17, где начальником был Семён Евсеевич Гендлер, наш преподаватель по спецкурсу в ремесленном училище №5. Честный, требовательный, справедливый – отличный начальник цеха. В дальнейшем работал заместителем директора по финансам.

Рядовые армии строите

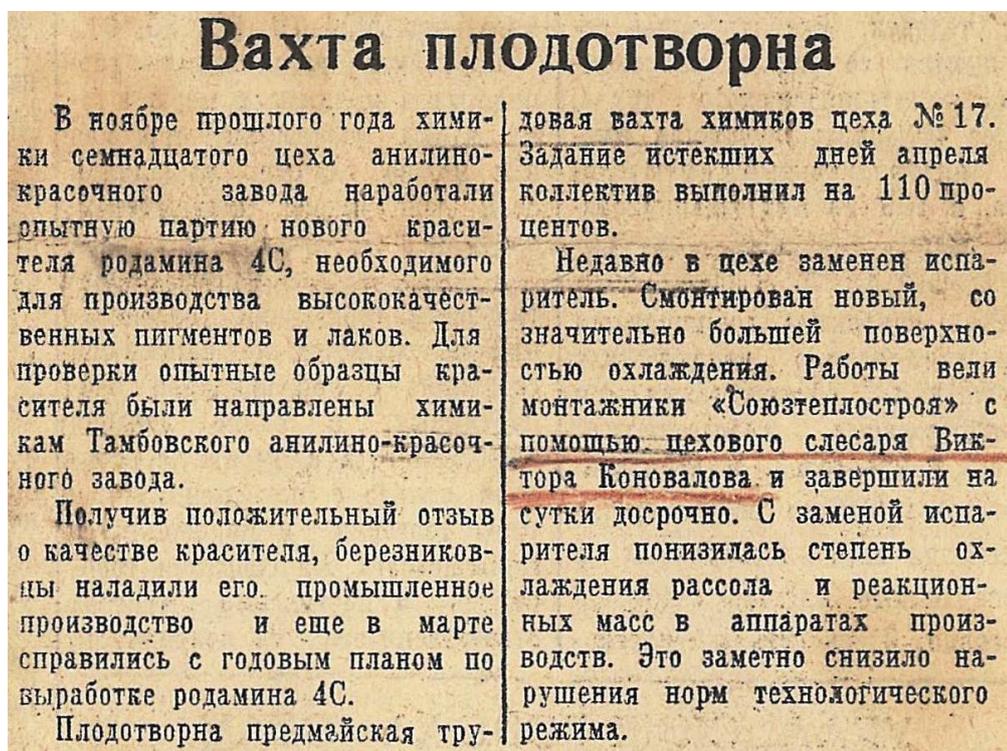
На снимке: лучшие производственники анилино-красочного завода, чьи имена удостоены занесения в заводскую Книгу почета. Слева направо: лаборантка цеха № 17 А. В. Исцелимова, слесарь парокотельной В. В. Малышев, аппаратчик цеха № 2 Ш. Хайрулин, слесарь цеха № 14 А. Ф. Рассолов, антикоррозийщик В. С. Бочков, слесарь цеха № 17 В. В. Коновалов и аппаратчица цеха № 1 М. Закирова. Фото И. Кубарева.

*Виктор Коновалов – второй справа среди труженников Анилинокрасочного завода.
Газета «Березниковский рабочий» за 29.07.1962 г.*

Вначале работал аппаратчиком на станции плавки, затем в автоклавном, но по рекомендации врачей перешёл работать в этот же цех, только без ночных смен слесарем в аммиачно-компрессионное отделение. Там же добился 6-го разряда и работал бригадиром слесарей, а при необходимости – машинистом-компрессионщиком. При этом был избран председателем общества ДОСААФ и неоднократно – председателем цехового комитета профсоюза. За время работы в цехе №17 получил несколько благодарностей. Моя фотография систематически размещалась на цеховой Доске Почёта и трижды – в газете «Березниковский рабочий».

Работая в цехе №17, я поступил учиться в вечерний техникум. И в 1968 году перешёл работать в вентбюро на должность инженера-наладчика по

вентиляции. Проработав во 2-м цехе над крышей, где весь газ – мой, и в цехе №17, особенно на станции плавки, я понял, что у нас на заводе вентиляция не на высоте, и решил бороться с этим производственным недугом. Через какое-то время был назначен на должность старшего инженера вентбюро.

Газета «Березниковский рабочий» за 23 апреля 1965 г.

Бог свежего воздуха.

Медаль к столетию В.И. Ленина

За окном стоял 1970 год. Мой начальник вентбюро ушёл в отпуск, и я исполнял его обязанности. В это время отмечали 100 лет со дня рождения В.И. Ленина и награждали в честь этой даты медалями. И что вы думаете, их выдали очень многим, даже тем, кто не проработал и пяти лет, а я на заводе работал 22-й год и практически постоянно выполнял общественную нагрузку. Так вот, про меня все забыли. Начальника моего нет, я исполнял его обязанности и не захотел унижаться и идти просить эту медаль! Но мне было очень обидно, так как даже мои дети спрашивали: «Папа, ты что, тоже проштрафился, или у тебя были прогулы?» И что я должен был ответить? Что меня просто потеряли на заводе, но что на самом деле я есть и нужен им всем, особенно в цехах, где загазованно и пыльно от выпускаемой продукции?

Но когда из отпуска вернулся мой начальник, то он был сильно возмущён и ходил в управление завода разбираться. Там ему ответили, что

«поезд уже ушёл», и если придёт ещё партия медалей, то, конечно, первая будет Виктору Васильевичу Коновалову.

Вентиляционное бюро

В 1974 году меня назначили начальником вентбюро, и в этой должности я проработал вплоть до выхода на пенсию в 1982 году. По просьбе администрации завода меня ещё задержали на заводе в этом вентбюро. Я выполнял ту же работу, что и прежде, но числился уже слесарем 4-го разряда. Такой в то время был закон, чтобы получать пенсионеру зарплату

*Виктор Коновалов –
руководитель вентбюро.
Доска почёта БХЗ, 1978 г*

плюс пенсию, но не более 300 рублей.

Давайте вернёмся к работе руководителем вентбюро. Когда я стал начальником, то постепенно взвалил на себя дополнительную и очень сложную работу. Как уже описывал выше, решил исправить положение вентиляции в цехах завода. Поэтому и пришлось взять на себя лишний труд: кроме технадзора и наладки вентсистем, ещё и руководство по ремонту и реконструкции вентиляции, хотя это, согласно инструкции, не входило в наши обязанности. Приходилось часто задерживаться вечерами и даже выходить на работу в выходные дни,

особенно когда проводился капремонт цеха. Я старался приурочить, производить реконструкцию вентсистем, так как пытался своевременно выправить всё согласно нормам

СНиП, которые нередко менялись, ужесточались. Поэтому часто приходилось заходить в СПКО, в сантехнический сектор и давать практические советы проектантам, а затем с этими проектами ехать в Промвентиляцию. Там делать заказ на изготовление воздухопроводов, а также договариваться о выделении бригады монтажников по своевременной замене воздухопроводов в цехах. Мы ещё давали заказы в наше антикоррозийное отделение, если требовались воздухопроводы из винипласта и полиэтилена для работы в агрессивных цехах. Делали заказы РММ, где тоже готовили воздухопроводы из оцинковки.

Очень большую работу провели по реконструкции и замене вентиляции, особенно в цехах №17 и 15. Вот, в частности, по цеху № 15 только на подготовку проектов мы с Демаковой Фаиной Владимировной

потратили почти три месяца. Когда я с этими проектами пришёл к начальнику цеха Владимиру Николаевичу Павлову, он дома несколько дней просматривал и знакомился с ними, а потом сказал: «Я очень доволен, но тебе, Виктор Васильевич, не справиться с выполнением всех этих работ. И даже если вы выполните хотя бы 80% от всей этой задуманной вами работы, то я даю честное слово, что добьюсь для вас награды. Вы достойны памятника». Я отшутился, что памятник мне поставят, когда похоронят.

Я очень потрудился на том капремонте в цехах, и наша служба по вентиляции закончила работы первой, выполнив их на 5 с плюсом. И как это положено, начальник цеха составил Положение о премировании руководителей технических служб, что уложились с ремонтом в срок. Я попал в этот список. Наш директор завода товарищ Ураков, когда получил это Положение для подписи, вдруг возмутился: «Как это – Коновалов В.В. – руководитель вентбюро, согласно инструкции обязан вести технадзор и контролировать выполненные работы по ремонту. А тут вдруг его премируют за выполнение досрочного ремонта?». И вычеркнул меня из списка премиальных. Ну, а о медали или памятнике и думать не стоит, так как Павлова В.Н. срочно отозвали с нашего завода и перевели директором крупного завода куда-то на Дальний Восток. Главный механик завода Гаранин также не смог ничем помочь, его отозвали на какой-то завод в Подмоскowie тоже главным механиком. А я здесь остался при своих интересах. Вот так и губят полезные начинания по улучшению производства. Конечно, я после всего этого отказался от руководства и проведения ремонтных работ, тогда пришлось в отделе главного механика вводить дополнительную единицу по ремонту вентсистем в цехах.

Медаль «Ветеран труда»

Но вот подошло время, чтобы я подумал о расчёте с завода, но у меня ещё так и не было медали с удостоверением, что я – «Ветеран труда», хотя отработал на предприятии 40 лет.

Как-то встретился на улице с парторгом завода, когда-то мы с ним вместе были на сборах председателей цехкома и, соответственно, были хорошо знакомы. Поэтому я задал вопрос, кто же занимается присвоением звания «Ветеран труда». Он спросил: «Почему это тебя заинтересовало?». А я ему так и сказал, что работаю на заводе уже 40 с лишним лет, а медаль так и не заслужил. Он обещал разобраться. Оказалось, что где-то, где этим делом занимаются, отмечено, что уже давно Коновалову В.В. удостоверение и медаль выданы! Но кто её получил – неизвестно.

В итоге всё-таки нашли мне медаль и удостоверение, и в узком кругу (в своём отделе) в количестве троих человек мы их обмыли.

Немного отступлюсь, вернее, прервусь, с продолжением моей истории, и чуть вернусь к работе руководителем вентбюро.

За время той работы я был неоднократно занесён на заводскую Доску почёта, получал множество благодарностей с денежной премией. Более того, я даже имею благодарность от обкома профсоюза как председатель комиссии профкома по охране труда и техники безопасности, а также медаль «Победитель соцсоревнования» среди ИПР в 1977г. За время работы на заводе мною было внесено и внедрено 29 рацпредложений согласно трудовой книжке.

Бартер

Вроде бы всё шло и идёт, как у людей, но тут ещё раз появилась в моей жизни смешная, можно сказать, неувязка. В то время, а это был уже 1990 год, наш завод имел «бартер».

Это когда наш завод высылал в какое-либо государство необходимую им выпускаемую нами продукцию, а они вместо денег высылали свою продукцию, что было необходимо получить нам. К примеру: получали из Венгрии обувь, плащи и прочее, а вот из Японии получали телевизоры «Панасоник» и так далее. Наш завод эту продукцию продавал своим рабочим. Это было выгодно обеим сторонам, особенно нам, рабочим завода. Коли я решил рассчитаться с завода и уйти на заслуженный отдых, то и, понятно, захотел приобрести что-либо в память о заводе. Вот и решил купить «бартерский» японский телевизор «Панасоник», ну и пусть, что за свой счёт. Но вот тут и случилась борьба между «своими и чужими».

Чужой среди своих

На первый взгляд, куда проще написать заявление о приобретении телевизора «Панасоник» по бартеру за наличный расчёт. Но это оказалось очень серьёзной борьбой между «нашими и вашими». Как уже писал выше, я работал всё в том же вентбюро и выполнял ту же работу, что и раньше, с 1968 по 1982 год, но числился по воле администрации завода слесарем 4-го разряда в ПРМ. Значит, и состоял в штате не управления завода, а в штате ПРМ, как в то время назывались эти проделки, «подснежником». Вот поэтому по первому распределению телевизоров при цехкоме ПРМ меня даже не рассматривали. Было второе распределение телевизоров – меня снова отклонили, так как я у них не работаю, я «чужой». При конкретном разговоре с председателем профкома завода Валерием Тоциным он

пообещал, что на этот раз мне точно выделят телевизор, поскольку при распределении им количества телевизоров чётко указано, что один выделяют лично для Коновалова. Но председатель цехкома ПРМ оказался упёртым парнем, сказав, что эти телевизоры выделены для ПРМ, а не для блатников профкома, и вновь мне отказал на основании того, что я, Коновалов В.В., работаю от управления завода, так пусть управление и выделяет мне телевизор. Но вот тут и получается чехарда. По закону работаю в управленческом аппарате, а фактически числюсь в ПРМ, поэтому управление не может мне выделить телевизор, так как я у них не в штате и не нахожусь у них в списке; а в ПРМ я нахожусь в списке и в штате, но не работаю на них. Хотя, если честно, я им, ПРМ, приносил доход намного больше, чем их рабочие, но этого не докажешь. Одним словом, я оказался чужой среди своих. Неужели последний шанс на приобретение в память о сорока и одном годе на заводе рухнул? Но я всё-таки не привык сдаваться без боя и рискнул записаться на приём к директору завода. Правда, в то время директором завода уже работал Борис Николаевич Попов. Я решил попасть к нему и объяснить моё последнее желание и все мытарства. А заодно напомнить, как я его выручил во время капремонта, когда он трудился начальником цеха №18.

ЧП во время капремонта

Случай был очень серьёзный. Во время капремонта случилось ЧП. В одном взрывоопасном отделении произошёл взрыв с возгоранием, и тут, в частности, пострадала система вентиляции, поэтому необходимо было срочно готовить новый проект, изготовление новых воздуховодов, проводить демонтаж остатков старой вентиляции и монтаж новых воздуховодов с дополнительными изменениями и дополнениями. И это практически было невыполнимо из-за отсутствия времени на разработку проекта, изготовление новых воздуховодов и т.д. А сами понимаете, что без выполнения этих работ никто не разрешит запуск цеха после капремонта, пусть даже одного, невзрывоопасного отделения.

Мы с начальником цеха Поповым обговорили эту экстрасложную ситуацию, и я пообещал, что приложу все усилия и использую все связи, чтобы её исправить. Не буду описывать все трудности при проведении этих работ, но моё упорство и стремление выполнить свои обещания одержали победу. Правда, работы по изготовлению воздуховодов выполнялись только в вечернее время, после основной работы, так как мастерская Промвентиляции была и так перегружена. У них был жёсткий график выполнения заказов. Но они справились благодаря начальнику мастерских и бригадиру. Конечно, вы понимаете, что это прошло не просто так. В

результате воздухопроводы были вовремя установлены и привезены в цех. И ещё меня спасло то, что бригада монтажников из Промвентиляции ещё работала в цехе №18, и с помощью мастера их участка мы смогли вовремя повернуть ту работу, которая в своё время казалась невыполнимой. Конечно, в какой-то степени в этом помог и Борис Николаевич, иначе я бы не смог «финансировать» эти сверхурочные работы.

Разговор с директором завода

Итак, подошло время моей встречи с директором завода Борисом Николаевичем Поповым. Это был высокий, стройный и симпатичный мужчина, на мой взгляд, хороший человек и специалист. Он меня внимательно выслушал, тяжело вздохнул и сказал: «Виктор Васильевич, я вас прекрасно понял, но в настоящее время ничем не могу помочь, так как в наличии свободных телевизоров нет. А когда будет новое пополнение и будет ли, сказать не могу. Но если только придут вновь телевизоры – хоть сколько-то, я обещаю, что тебе будет персонально выделен телевизор, но надо подождать». Я, конечно, ответил ему, что я уже не намерен больше ждать, я буду рассчитываться с заводом, что, мол, я уже устал. Поблагодарил за приём и вышел из кабинета, оставив комиссию и директора совещаться. Ушёл, конечно, с чувством обиды, вот как бывает. Пока продуктивно работал, был всем нужен, и даже некоторые, особенно в механических цехах, меня, возможно, в шутку называли «Богом свежего воздуха», и это, конечно, льстило, так как я действительно за время работы в вентбюро очень много сделал для улучшения вентиляции в цехах завода, особенно там, где было загазовано и пыльно. От выпускаемого производственного продукта стояла труднопереносимая пыль, даже в респираторах.

Но через два дня мне позвонил председатель профкома товарищ Тощин и сообщил, что всё в порядке, документы готовы, а я могу ехать и получать японский телевизор «Панасоник». Я обрадовался и с трудом поверил, что это правда.

Мы с зятем съездили на склад и получили долгожданный подарок за наличный расчёт как память о заводе – цветной телевизор. За что я очень благодарен Борису Николаевичу Попову. Хотя и не было прямой возможности в выделении мне телевизора, он всё-таки изыскал возможность и удовлетворил просьбу рабочего. Это с его стороны было очень благородно. После этого всё же решил рассчитаться, то есть распрощаться со своим родным – до глубины души – заводом.

Уничтожение завода

В 1990 году я вышел на заслуженный отдых, на пенсию по возрасту. Постепенно завод стал терять свои способности и мощь, поменялось название завода на «Бератон». А потом – абсолютный развал, уничтожение в полном смысле завода. Продали поликлинику, профилакторий, общежитие, негде было разместить Совет ветеранов, а затем и вовсе всё развалено, уничтожено. Ветераны труда стали никому не нужны. Вот лично я последнюю благодарность от завода получил в 1999 году уже от общества «Бератон» в связи с празднованием шестидесятилетнего юбилея завода, нашего бывшего родного завода, который зародился пуском кислородного цеха в 1939г.

В итоге получается, что я поступил на завод при директоре Попове Алексее Сергеевиче и, проработав там 41 год, ушёл с завода опять же при Попове, но только при Борисе Николаевиче. Вот такие бывают совпадения.

Моя работа во Второй городской больнице

В 1990г. я рассчитался с Химзавода, которому отдал 41 год, так как был на пенсии с 1982 года. На восемь лет задержали меня на заводе по просьбе администрации.

Но просто отдохнуть мне не дали, а пригласили, упростили помочь выйти из затруднительного положения по вентиляции во вновь построенной Второй городской больнице. Строительство больницы началось в 1974 году. В основном на строительстве был задействован стройбат и «химики»- заключённые, которые свободно жили в городе, но без права выезда. Это говорит о том, что у них не было большого желания выполнять работы на совесть. А все вентиляционные каналы, согласно проекту, были внутростенные. Никто при строительстве стен не заботился о чистоте этих каналов, поэтому мусор, раствор, битый кирпич спокойно падали в эти каналы. Так что вентиляция не работала так, как положено.

Я, конечно, дал согласие, так как моя дочь занимала должность заместителя главврача по АХЧ. Но пришлось поработать очень серьёзно, пробивать некоторые каналы довелось тяжёлым ломом, закреплённым на трос. Но проблема в том, что нужно предварительно согласовать с сотрудниками время работы на этаже, когда можно начинать долбить и мусорить в кабинете, палате, заранее вскрыв решётку вентиляции, а после очистки и уборки мусора установить и закрепить новую решётку. А внутростенных каналов только в стационаре более сотни, правда, не все каналы были забиты мусором.

И ещё проблема была в том, что это стационар, где лежат больные, а стучать и мусорить при них не положено. А вечерами до поздней ночи необходимо было готовить документацию, так как в больнице не было ни паспортов на вентиляцию, никакой документации. Но в больничный городок, кроме стационара, в то время входили: поликлиника, пищеблок, хозяйственный корпус (прачечная, гладильня), кочегарка, гаражи, бак.лаборатория, операционный блок, радиологический корпус (о нём подробнее позднее).

Поэтому у меня тогда не было ни выходных, ни праздничных дней. Хотелось побыстрее увидеть просвет во всём этом беспорядке и начать нормальную наладку вентиляции. Особенно было трудно разобраться по электрической части. Абсолютно никакой документации по электроснабжению вентиляции не было, большинство электродвигателей на вентиляторах не работало. Где искать причину, никто не знал. Приходилось искать их автоматы включения на ощупь, по кабелям, чтобы найти, на каком пульте и какая кнопка работает на необходимый нам электродвигатель, так как нигде и ни на чём никаких трафаретов не было.

И ещё меня очень тревожило, что до меня в больнице работало несколько групп наладчиков по вентиляции и все, как один, оказались «халтурщиками».

Вот, для примера, в поликлинику была приглашена группа наладчиков по вентиляции с предприятия под руководством руководителя вентбюро. Они провели «свои работы», оформили паспорта, вероятно, получили гонорар и исчезли. Даже не оформили акты и не обмолвились о рекомендациях, как привести в норму вентсистемы. Скажем, приточный вентилятор, подающий воздух в рентгенкабинеты, давал

Виктор Коновалов во время работы во Второй городской больнице, 2000-е годы

производительность, по их показаниям, 300%, а это – грубое нарушение (хотя практически в кабинеты не поступало и дуновения), они об этом вообще умалчивали. Когда я коснулся этих дел, то можно было рехнуться умом или того хуже. Они провели замеры только производительности вентагрегатов и всё это внесли в паспорта. Итог был ошеломляющий. По их выводам, вентиляция в рентгенотделении работала успешно (по вытяжке – на 120 %, а по притоку свежего воздуха – аж на 300%????). Все замеры указаны в паспортах и стоят даже подписи руководителя. Но вот парадокс – когда я пришёл с проверкой вентиляции, то, к примеру, в обоих кабинетах рентгенотделения, ни в одном окне-решётке, ни в вытяжной системе, ни в приточной не оказалось даже дуновения, то есть производительность была равна нулю. Вентиляции не было абсолютно никакой!!! Куда смотрела группа наладчиков, никто объяснить не смог.

Сотрудники, да и больные, что приходили на обследование в рентген-кабинет, ощущали затхлость, запах в кабинетах от рентгеновских аппаратов и абсолютное отсутствие работы вентиляции. Пришлось установить хотя бы временные оконные вентиляторы, чтобы хорошо проветривать кабинет (освежить) перед началом работы, а также в технический час и, конечно, по окончании дня.

Это нарушение. Работа рентген-кабинетов без вентиляции была опасна не только для персонала, для проходивших там обследование, но и для тех, кто находился в коридоре, вблизи этих кабинетов. Ведь не зря в САНПиНе и, соответственно, в проектных расчётах есть обязательное требование – чтобы в рентген-кабинетах вытяжка имела преимущество от притока свежего воздуха, чтобы рентгеновские «ионы» не выходили в коридор. Тут у «лженаладчиков» могло быть две причины – они могли не знать об этом (что маловероятно). Скорее всего, решили умолчать, так как им бы не уплатили гонорар, они практически не привели вентиляцию в норму, а только грубо обманули и зря обнадёжили администрацию.

Тогда уже пятый год готовился к пуску радиологический корпус. Во время строительства и подготовки его к пуску проекты на строительство изменялись, добавлялись четыре раза. Конечно, на бумаге легче внести изменения, чем в практически уже построенное здание, тем более по вентиляции, опять же, вместо воздуховодов были предусмотрены внутристенные каналы.

Лариса Николаевна Горб (главврач того времени) пригласила меня в свой кабинет, и мы с ней побеседовали откровенно, начистоту. Она верила мне и надеялась, что если я возьмусь за радиологию, то приведу её к положительному результату по вентиляции. Ведь понятно, что радиология –

это нечто наподобие «малого Чернобыля». Поэтому она не спешила подписывать акт о приёме в эксплуатацию этого корпуса, всячески оттягивала этот вопрос. А почему упрасивала меня, а не требовала, так это потому, что я за все эти труды не получал ни зарплату, ни гонорар, так как не был официально оформлен на работу в больницу, а выполнял эти «черновые работы» благотворительно, то есть в виде гуманитарной помощи. Кроме, конечно, моей основной, непосредственной работы – это настройка и наладка функционирования вентиляции в соответствии с нормами и проектной производительностью вентоборудования в помещениях. Всё это шло по отдельным договорам и оплачивалось согласно сметам.

Я в своё время, то есть когда вёл работы по наладке и регулировке вентиляции во Второй городской больнице, считал себя настоящим специалистом в этой области, что и подтвердил председатель эпидемических станций Северного округа, который принимал участие в приёме в эксплуатацию радиологического корпуса.

Так вот, по исправлению и настройке вентиляционного хозяйства в корпусе радиологии мне очень помог Курдин Марк Иосифович. Он как-то договорился с генеральным директором «Уралкалия» Поликшей, чтоб его зам по капстроительству Лоскутов принимал нас один раз в две недели на оперативке и решал все вопросы по приведению к нормальной работе вентиляции в радиологическом корпусе. До полной победы нам пришлось работать с ними более года и в итоге пришли к относительно положительному результату. Мелочь уже доводили самостоятельно. За что главврач Лариса Николаевна Горб была мне очень благодарна.

Корпус радиологии принимала серьёзная комиссия во главе с председателем Санэпиднадзора Северного округа. Занимательно то, что он лично проверил производительность вентсистем практически во всех основных помещениях своим собственным прибором. Это в моей практике работы по вентиляции было впервые.

После его личной проверки вентиляции он решил проверить всю документацию. Я, конечно, показал ему документы, паспорта на вентиляцию моего оформления и ещё продемонстрировал для примера и документацию работавшей до меня группы наладчиков. Председатель комиссии просмотрел все бумаги, после чего, улыбаясь, сказал: «Вот эти документы, паспорта нужно выбросить в туалет или отдать детям». А нам дал добро на пуск корпуса в эксплуатацию и даже пожал мне руку.

Кстати, ещё немного о радиологическом корпусе, который уже начал функционировать в полном объёме, то есть уже работало отделение диагностики и открылось отделение по облучению онкологических больных.

Ко мне тогда обратился заведующий отделением диагностики Опарин Ринат Супгатович с просьбой помочь разобраться, почему перед корпусом частенько возникает большая лужа посреди зелёного газона. Я решил разобраться, помочь им. После небольшой разведки обнаружил, что в траве, посередине газона, находится канализационный колодец. Пригласил канализационщиков по этому участку, и они, отчерпав воду в колодце, обнаружили, что строители вывели кондиционную трубу из радиологического корпуса, подвели её к общему коллектору, проходившему около этого корпуса, но в него не врезались. Поэтому вся вода, которой пользовались в корпусе радиологии, не уходила в общий городской коллектор, а наполняла колодец и выходила наружу, заливая газон. Причина была устранена. Так что я много чего сделал полезного, не имеющего отношения к моей прямой профессии: изыскание и замена вентиляторов, частичное дополнение и монтаж воздухопроводов и так далее.

Я проработал в городской больнице №2 до 2009г. Расстаться с привычной для меня деятельностью пришлось после второго инсульта, да и возраст уже подсказывал, что пора отдохнуть, причём общий трудовой стаж составлял ровно 60 лет.

О Дедюхинской больнице

Дедюхинская больница была построена и сдана в эксплуатацию в декабре 1921г. и функционировала в посёлке Дедюхино до 1953года. В это время в связи с предполагаемым затоплением посёлка при пуске КамГЭС здания больницы перевезли в район посёлка Кропачево. Раньше Дедюхино подчинялось Лёнвинскому району, управление шло от Лёнвинского райсовета, вероятно, чиновники горсовета и решили назвать уже здесь, в черте города, эту Дедюхинскую больницу Лёнвинской.

Фактически об этом знали, похоже, только власти, так как беседа со старожилами подтверждает, что никто не знал, что Дедюхинская больница стала называться Лёнвинской. Обычно эту больницу после переселения называли сначала Дедюхинской, но некоторые стали называть Кропачевской, а некоторые Абрамовской, потому что ездили в больницу на абрамовском автобусе. И до сих пор её называют по-разному, хотя она давно уже имеет определённое название – «Вторая городская больница».

Кстати сказать, в посёлке Лёнва больницы как таковой вообще не было. Работала только амбулатория, а больных, что нуждались в стационарном лечении, направляли в Дедюхинскую больницу.

Вот так, одним росчерком пера поменяли всю историю Дедюхинской больницы. Простые люди, особенно старые сотрудники, знают и верят, что

корни этой больницы идут от Дедюхинской, но никак не из Лёнвинской. И вот ещё пример. В декабре 2006 г. администрация (теперь уже Второй горбольницы), в основном, сотрудники этой больницы, отмечали 85-ю годовщину Дедюхинской больницы. Даже газета «Березниковский рабочий» посвятила этой дате целую страницу с большой фотографией всех сотрудников Дедюхинской больницы во главе с главным врачом того времени тов.Рутманом (газета «БР», декабрь 2006г.).

То, что больница Лёнвинская, – это заблуждение. Я обзвонил жителей Дедюхино, что ещё живы из пожилых, и выяснил, что никто даже не слышал, что Дедюхинская больница стала называться Лёнвинской. Вот цитирую некоторых опрошенных.

Борис Павлович Третьяков, 85 лет: «Знаю точно, что здания были Дедюхинской больницы, а что её переименовали, даже и не слышал, это абсурд».

еклемышева Мария Николаевна (Иконникова), 83 года: «О том, что здания были Дедюхинской больницы – это точно, но о том, что её переименовали в Лёнвинскую, слышу впервые».

Нина Александровна Ширёва, 87 лет: «Я на 100 % уверена, что эти здания были Дедюхинской больницы».

Нина Александровна лежала в своё время в этой больнице (посёлок Кропачево), и там работала её тётя Татьяна Зрячих, которая трудилась и в Дедюхино, а после переезда продолжала работать в этой больнице.

В конце концов, я лично лежал и лечился в ней и даже в той же палате в 1957 и в 1968годах, но уже перевезённой и поставленной в Кропачево. Так что это были здания Дедюхинской больницы. И никто и никогда не убедит меня, что это Лёнвинская больница.

Для примера: я родился и вырос в Березниках, так почему я должен быть пермяком, а не березниковцем?

Вот второй пример: Дедюхинский солеваренный завод тоже можно тогда назвать Лёнвинским, ведь завод также находился под контролем Лёнвинского райсовета, а ещё и главная контора –в то время это здание называли Трест, где располагалась администрация завода, стояла в посёлке Лёнва, правда, у самого края. А вот соль, что выпускал завод, никак не назовешь лёнвинской, так как под Лёнвой жила соляного рассола была куда худшего качества, по сравнению с рассолом из скважин нашего посёлка. Поэтому в Лёнве прикрыли варницы, а потом совсем их ликвидировали, оставив только амбары.

А дедюхинская соль была чисто белой, даже со слабым небесно-голубым оттенком. И славилась наша дедюхинская соль не только в России. Поэтому Дедюхино и всё дедюхинское – это всё классное!

А сейчас хочу сказать большое спасибо Марку Иосифовичу Курдину, который, будучи славным врачом этой больницы, смог мирным путём сгладить эту неразбериху. Он решил, что раз больница (по документам) не Дедюхинская, а привезённая из Дедюхино, то и не Лёнвинская, коли по факту в Лёнве вообще не было больницы. Тогда главный врач Курдин договорился с администрацией города, и в августе 1960 года решили эту больницу переименовать в «Городскую больницу №2». Я с Марком Иосифовичем проработал 19 лет и могу рассказать о нём много хорошего.

Для презентации книг «Дедюхино», а также для разьяснения, почему все жители посёлка Дедюхино носили прозвище «майоры»

Я очень уважаю и ценю нашего краеведа Михаила Владимировича Сергеева за его упорство, настойчивость в достижении цели, а именно – в раскрытии истины – любви людей из Дедюхино к своей малой «Большой Родине».

Я, конечно, очень мизерно, но стараюсь чем-то помочь Михаилу Владимировичу. В частности, я дал ему подробное описание жителей нашей улицы, а также её план, так как она была очень своеобразной по расположению домов. Кроме того, по его просьбе описал некоторые случаи из дедюхинской жизни, в частности, о нахождении во время ВОВ денег и карточек на весь месяц на хлеб и продукты и, возможно, о спасении человека от голодной смерти, поскольку всё найденное передал в контору по штампу на карточках. Оказалось, что карточки потеряла уборщица швейной фабрики. А сейчас хочу остановиться на ещё одной детали, где, как мне кажется, не обошлось без моей помощи.

На презентации первой книге «Дедюхино» прозвучал вопрос одной женщины, цитата: «Прожила практически всю жизнь в Дедюхино, а так и не узнала, когда и по какому поводу появилось прозвище всех дедюхинцев – майоры?»

Вот сейчас уже вышло в свет две книги «Дедюхино», скоро выйдет третья книга, в которой вы, вероятно, найдёте ответ на этот вопрос.

В поисках ответа на него также принял участие и я, Коновалов В.В., что прожил в Дедюхино более 20 лет.

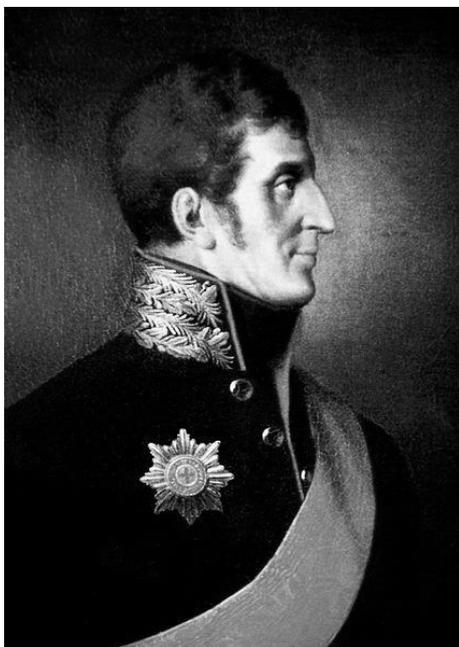
На мой взгляд, подробное и правдивое описание появления прозвища жителей посёлка Дедюхино я нашёл в статье историка Ольги Варнаковой в

газете «Неделя» о реформаторе Андрее Дерябине, который в 1804–1811 гг. был управляющим Солеваренного завода города Дедюхино.

«Дедюхинские майоры» (из статьи «Реформатор А.Ф. Дерябин»):

«В 1804 г. опытный специалист горнозаводского дела, член Горной коллегии Андрей Федорович Дерябин (на фото из архива БИХМ им. И.Ф. Коновалова) разрабатывает «Проект Горного положения», высочайше утверждённый императором Александром I. Центральное место в проекте отводилось системе управления казёнными заводами, привилегиям и обязанностям заводских служащих, определению юридического статуса промышленных предприятий горного ведомства России. Согласно Проекту, селения при казённых заводах стали называться горными городами. Так село Дедюхино получило статус города.

Горнозаводское законодательство устанавливало особое управление горного города. Вся полнота власти в нём сосредотачивалась в руках горного начальника, который ведал всем ходом заводских дел, заботился о техническом усовершенствовании предприятия, распоряжался всем заводским имуществом и назначениями на службу чиновников. «Все горные, военные, статские, медицинские чины, художники, мастеровые и рабочие люди, состоящие в заводской службе, должны подчиняться велению горного

А.Ф. Дерябин

начальника» – говорилось в Положении. Горный начальник занимался вопросами городского благоустройства. На нём лежала забота о поддержании храмов, богаделен, учебных заведений. Для внутреннего порядка города учреждалась полиция, а для охраны предприятий, соляных складов, транспортирования грузов, исполнения экзекуций – военная команда. Являясь главным начальником Гороблагодатских и Пермских заводов, с 1806 по 1811 г. А. Ф. Дерябин возглавлял управление Дедюхинского солеваренного завода.

В связи с переводом завода в Горное ведомство в Дедюхино увеличивается численность населения. Возрастает число «статских и приказных» – инженеров, управленцев, канцеляристов, военных – рядовых солдат и младших офицеров. На немецкий манер, они назывались

обер-бергмейстер, обер-бергауптман, обер-гитенфервалтер, шихтмейстер и др. По данным Исповедальных ведомостей, в 1806 г. в городе числилось военных и статских 34 чел. мужского пола, в 1820 г. уже 100, в 1848 г. – 240 человек. Горные чиновники носили обмундирование образца 1804 г. – мундиры синего сукна с чёрной отделкой и красными кантами, за что от местных жителей получили прозвище – майоры. Впоследствии это прозвище распространилось и на всех дедюхинцев».

По-моему, так не честно!

Вот прочитал в «Березниковском рабочем» за 20.04.17г. статью «Снос на крови», и понимаете, мне как-то стало не по себе. Как так разрешают власти, что какие-то предприниматели из Перми разрушают, ломают, сносят крепкие здания в нашем городе! В частности, здание бывшего технического училища №8.

На самом деле здесь было не только училище №8. Он так назывался только для людей молодого поколения, а лично для меня и мне подобных, а мне уже 88-й год, это здание намного дороже и ценнее, так как здесь в своё время располагался химико-механический техникум на четвёртом этаже, а на нижних этажах было ремесленное училище № 5. И если проверить и ознакомиться с работой и выпуском техников, особенно нужных в то время молодых рабочих по профессиям: аппаратчик химического производства, слесарь-универсал, токарь, электрик, котельщик и машинист компрессорных установок и прочее, что выпускало РУ №5, то этому зданию и цены-то нет. Ведь тысячи людей получили здесь рабочие специальности и гордятся им, а многие из этих выпускников стали героями труда, руководителями предприятий, инженерами и техниками.

В частности, начну с себя, что связывало меня с этим зданием. Я, дедюхинский парень по поселковому прозвищу «майор», хорошо знал это здание и вообще всё это хозяйство с его подсобными постройками типа кузницы, так как пришлось поучиться и в химико-механическом техникуме, и конечно, в ремесленном училище №5.

В 1949 году я окончил семь классов и решил поступать в химико-механический техникум, успешно сдал все вступительные экзамены. Я был способным в то время по математике, и это, конечно, помогло при поступлении в техникум. Но, видимо, мне было не суждено в этот раз стать техником-механиком.

А получилось, что я на самом деле был в то время силён в математике, но вот тут, в техникуме, работал преподаватель этой дисциплины по фамилии Богомаз. Он или хотел из меня сделать настоящего математика, или

просто меня не понял. А было так. Домашние задания я выполнял очень аккуратно и правильно. Ребята-однокурсники обычно их у меня списывали до начала уроков, но Богомаз почему-то вызывал меня к доске и просил, чтобы я повторил домашнее решение сложного алгебраического примера и требовал, чтобы я каждое действие в решении подтверждал правилом. Я ему говорил, что могу решить любые сложные алгебраические и арифметические примеры, а вот правил не знаю. Он, как всегда, говорил: «Это неправильно», – и всегда ставил мне двойку. Я не выдержал и перешёл в ремесленное училище №5, которое располагалось в том же здании на втором этаже.

Попал туда на два месяца позже начала занятий, но мастер по обучению аппаратчиков решила взять меня к себе в группу. Я вскоре догнал всех в учёбе, а в дальнейшем оба года обучения в училище был круглым отличником, что подтверждает аттестат об окончании ремесленного училища с оценками и присвоение квалификации аппаратчика 6-го разряда.

Кстати, я этот аттестат храню до сих пор. Как круглому отличнику, мне разрешали постригаться под чёлку, тогда как всем остальным надо было постригаться «наголо», как тогда говорили, «под Котовского». Это были замечательные годы развития, в частности, мы, аппаратчики, обучались и слесарному делу: готовили-обрабатывали молотки, сделанные в кузнице, а также плоскогубцы и многое другое. Это, конечно, нам помогло и на производстве, и в жизни вообще.

О времени, проведённом в этом здании, где мы, тысячи выпускников, получили знания и умения, никогда не забудем.

А в настоящее время наш город вообще не имеет ни одного технического училища. Ведь не каждый ученик, окончивший общеобразовательную школу, может поступить учиться в техникум, тем более в институт. Но на предприятия сразу на работу не возьмут, так как обычно требуются квалифицированные рабочие. А ведь несколько лет назад, после технического (ремесленного) училища, выпускники устраивались на работу. И куда сегодня деваться этой молодёжи?

«Старший» по жизни

Как-то так получается, что я всё время оказываюсь старшим. Приведу несколько примеров. После окончания ремесленного училища №5 мне присвоили высший – 6 разряд. По распределению работал на Химическом заводе. Занимал ответственные должности старшего аппаратчика во 2, 3 и 11 цехах.

Армейскую службу сначала проходил в Германии. Там был старшим классного отделения. После возвращения в Советский Союз служил в Кирове и Оренбурге старшим писарем строевой части полка.

Довелось поработать на целине. Молодые ребята с разных березниковских предприятий выбрали меня бригадиром сводной бригады.

Я долгие годы работал на Химзаводе. В цехе № 17 этого предприятия избирался председателем цехового комитета.

В вечернем техникуме никто поначалу друг друга не знал, но в первый же день Коновалова выбрали старостой группы.

В управлении БХЗ прошёл путь от инженера вентиляционного бюро до руководителя данного подразделения.

Как-то посылали меня на курсы повышения квалификации в Дзержинск тогда ещё Горьковской области. Там мы учились целый месяц, я был старостой группы.

Даже сегодня я самый старый, самый старший житель в подъезде своего дома.

Заключение

Из автобиографических записок Виктора Васильевича Коновалова мы узнали, что высокий профессионализм и ответственность, честность, неравнодушие к чужой беде в большой мере присущи автору. А ещё – военная выправка, сила воли, мужской характер. Несмотря на недуги, он очень скрупулёзно и по-военному чётко написал воспоминания. Настоящий дедюхинский характер, дедюхинский «майор»

Источники и литература

Неопубликованные источники:

Воспоминания, документы и фотографии из личного архива

В.В. Коновалова.

Используемая литература и источники:

1. Березники. Энциклопедический справочник. Пермь, Книжный мир, 2007 г.
2. Википедия. Фото М.С. Уракова.
3. О.Н. Варнакова. «Реформатор А.Ф. Дерябин». «Березниковская неделя», 23.01.2013 г., №4.
4. «Снос на крови». Березниковский рабочий», 20.04.2017 г.
5. БИХМ имени И.Ф. Коновалова. Фонд АО «Бератон». Фото В.В. Яковлева и Б.Н. Попова.

Список сокращений:

АТЗ – азотно-туковый завод;

АХЧ – административно-хозяйственная часть;

БАКЗ – Березниковский анилинокрасочный завод;

«Бератон» – товарный знак. Бер – Березники, А – анилин, тон – тональные красители»;

БТМК – Березниковский титано-магниевый комбинат;

БХЗ – Березниковский химический завод;

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи;

ВОВ – Великая Отечественная война;

ГДР – Германская Демократическая Республика;

ГСМ – горючесмазочные материалы;

ГТО – Готов к труду и обороне;

ДК – дворец культуры;

ДОСААФ – добровольное общество содействия армии, авиации и флоту;

ИТР – инженерно-технический работник;

КамГЭС – Камская гидроэлектростанция;

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза;

ПВЦ – пароводоцех;

ППИ – Пермский политехнический институт;

ПРМ – производственно-ремонтная мастерская;

РСЦ – ремонтно-строительный цех;

РУ – ремесленное училище;

РФ – Российская Федерация;

САНПиН – санитарные нормы и правила;

Санэпидемнадзор – санитарный эпидемиологический надзор;

СССР – Союз Советских Социалистических Республик;

СУТЦ – трест «Севуралтяжстрой»;

ФЗО – фабрично-заводское обучение;

ФРГ – Федеративная Республика Германия;

ЦЗЛ – центральная заводская лаборатория;

ЦК – центральный комитет;

ШРМ – школа рабочей молодёжи.

Содержание

1. Вступление.....	2
2. Воспоминания Виктора Коновалова.....	3
3. Источники и литература.....	92
4. Список сокращений	93

Редактор-составитель–Сергеев М.В.

Набор текста и вёрстка–Кокорева Ю.И.(г. Пермь).

Корректор–Казионова Е.В.

Автор выражает благодарность старшему научному сотруднику БИХМ имени И.Ф. Коновалова Н.В. Сабаш за предоставленные фотографии из фондов музея. Историкам О.Н. Варнаковой и Ю.И. Кокоревой признательность за помощь в работе над изданием.

В оформлении книги использована картина С.М. Ишуткина «Дедюхино», благодарственное письмо В.В.Коновалову от ОАО «Бератон»

г. Березники, 2020 г.